

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ю. Я. ПЕРЕПЕЛКИН

ХОЗЯЙСТВО
СТАРОЕГИПЕТСКИХ
ВЕЛЬМОЖ

Москва
«НАУКА»

Главная редакция восточной литературы
1988

Ответственный редактор
Е. С. БОГОСЛОВСКИЙ

Рецензенты
О. Д. БЕРЛЕВ, Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

Книга видного египтолога Ю. Я. Перепелкина посвящена выяснению производственных отношений, существовавших в Египте в древнейшую, доступную подробному изучению пору — время исполинского строительства пирамид Старого (иначе — Древнего) царства (4500—4000 лет назад). В основу исследования положены надписи при изображениях на стенах староегипетских гробниц. Их анализ позволил вскрыть представления о собственности, соотношение между собственностью царской и частной, виды собственности, способы ее приобретения и отчуждения. Исследование помогает выяснить место рабского труда в древнеегипетском производстве.

Книга предназначена для историков, специалистов по древнему миру.

П 0504010000-206 33-88
013(02)-88

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1988.

ОТ РЕДАКТОРА

В книге Ю. Я. Перепелкина впервые в истории изучения классического Востока процесс труда и его составляющие исследованы в конкретно-исторической форме. Средства производства (предметы и средства труда) в ней не описаны, потому что они хорошо изучены в многочисленных специальных трудах еще в первой половине XX в. Из-за уникального для сохранности памятников материальной культуры климата Египта это стало возможным уже несколько десятилетий назад, добавить можно только частности. Совершенно иначе дело обстоит с изучением производственных отношений, составляющих предмет политической экономии. Они остались просто неизученными.

Для того чтобы производить, люди должны обладать средствами производства, которые могут принадлежать обществу, группам лиц или отдельным лицам. Поскольку продукт производства в классовом обществе принадлежит тому, кому принадлежат средства производства, то первой проблемой становится изучение отношений собственности, без определения которых невозможно определить способ соединения работника со средствами производства. Способ присвоения средств и результатов производства определяется формами и отношениями собственности, а развитие средств производства приводит к необходимости изменения отношений собственности и всей совокупности общественных отношений. Со своей стороны, отношения собственности влияют на развитие средств производства, и так далее без конца в соответствии с законами материалистической диалектики. Обследовав отношения собственности¹, Ю. Я. Перепелкин счел необходимым ввести в эту книгу основные положения уже опубликованной работы, имея в виду, что анализ производственных отношений непременно должен предваряться исследованием отношений собственности.

Ю. Я. Перепелкин обследовал производственные отношения в сельском хозяйстве, скотоводстве, рыболовстве, а также ткачестве и других доступных исследованию ремеслах, в том числе производящих орудия труда, и выделил ведущую форму хозяйствования.

Вместе с тем рассмотрены как производственное, так и непроизводственное потребление и распределение. Две статьи, посвященные обмену², Ю. Я. Перепелкин опубликовал еще в 1949 и 1960 гг. Результаты этих изысканий тоже следует иметь в виду, читая новую книгу, так как они не повторяются.

Итак, производство, распределение, обмен и воспроизводство, т. е. все составные части единого процесса общественного воспроизводства, детерминированные определенной формой собственности, оказались изученными Ю. Я. Перепелкиным, но изученными необычным способом.

В архиве Ю. Я. Перепелкина сохранились выписки из большого числа ра-

¹ Перепелкин Ю. Я. Частная собственность в представлении египтян Старого Царства. М.—Л., 1966 (=Палестинский сборник. Вып. 16 (79). Перевод на немецкий язык: *Perepelkin Ju. Ja. Privateigentum in der Vorstellung der Ägypter des Alten Reichs.* Hrsg. und übersetzt von R. Müller—Wollermann. Tübingen, 1986).

² Перепелкин Ю. Я. Меновые отношения в староегипетском обществе.—Советское востоковедение. 1949, VI, с. 302—311; он же. О деньгах в древнейшем Египте.—Древний Египет. Сборник статей [в память В. С. Голенищева]. М., 1960, с. 162—171.

бот классиков марксизма с систематизирующими эти выписки комментариями. Особенно глубоко были изучены такие труды К. Маркса, как «Капитал» и «Формы, предшествующие капиталистическому производству». На теоретической основе изучения производственных отношений Ю. Я. Перепелкиным были разработаны методы конкретно-исторического анализа древнеегипетского производства и определена специальная форма изложения результатов. К сожалению, Ю. Я. Перепелкин не оставил заключения в окончательно отработанном виде. В его архиве сохранился только эскизный набросок. Тем не менее он сделал самое главное и трудное — проанализировал и сложил дошедшие до нас фрагменты целого воедино, воссоздав очень живую и убедительную картину хозяйственной жизни глубокой древности.

Не успел Ю. Я. Перепелкин проделать и другое — подготовить работу к печати. У него самого это получилось бы, конечно, лучше. Мои немногочисленные примечания отмечены звездочкой (*).

В книге неполно показаны собственно социальная структура и социальные отношения. Соответствующие разделы были написаны (часть из них дошла до нас в рукописи), однако из-за ограничения объема книги Ю. Я. Перепелкин сам отобрал для издания то, что практически не изучалось, оставив в стороне предметы многолетних дискуссий, а также то, что более или менее бесспорно решено другими.

За те годы, которые прошли со времени прекращения работы над темой, из печати вышли новые исследования о структуре управления, должностных званиях, положении царя в системе общества, а самое главное — публикации новых и перен издания старых источников, освещающих разные стороны древнеегипетской действительности. На первом месте среди них стоят папирусы, показывающие положение храмового хозяйства в общей системе хозяйства. Ю. Я. Перепелкин, конечно, не пропускал эти источники по мере их публикации и в ходе работы над подготовкой книги к печати в 1980 — начале 1982 г., в чем можно убедиться не только по поправкам и дополнениям в тексте рукописи, но и по переработке глав (правда, такая переработка по большей части вызывалась ограничением объема книги). Ссылки на содержание некоторых источников, опубликованных после середины 50-х годов и вплоть до последних лет, сделаны самим автором. Работать над этой темой Ю. Я. Перепелкин начал давно. Основной корпус книги был написан 30 лет назад. Но и все последующие годы он продолжал работать над книгой и пополнять ее новыми не столько материалами, сколько наблюдениями. Примечательно, что предлагаемая читателю книга Ю. Я. Перепелкина, в основном написанная давно, не утратила новизны и актуальности. Так, впрочем, всегда бывает с научными исследованиями, обгоняющими свое время.

Евг. Богословский

ВВЕДЕНИЕ

«Памяти староегипетских корабельных ватаг» — несколько диковинное посвящение, и тем не менее оно вполне оправданное. Именно отправляясь от него, удается, по мнению пишущего эти строки, приподнять ту плотную завесу, которая скрывала от нас общество Старого царства и которую не убрать с помощью признанных видов источников (правовых, летописных, жизнеописательных, счетных и т. п.). Не из них восстают во всем огромном производственном значении корабельные ватаги вельмож, а из источников совсем иного рода — из надписанных изображений на стенах гробниц. Сосредоточив свое внимание прежде всего и преимущественно на этих изображениях, мы будем привлекать по мере надобности и другие источники, в частности такие неожиданные, как заклинания, начертанные в царских пирамидах. Пусть приукрашенным и приумноженным предстает на гробничных изображениях хозяйство вельможи, но они отображают не что иное, как то хозяйство, что было у него при жизни. Глядя на изображенные сельскохозяйственные и ремесленные работы, сановный покойник, по египетским взглядам, на деле переживал изображенное, таинственно воскрешал для себя то, что имел и что получал когда-то.

Стены внутри вельможеских гробниц — это своего рода окаменелое кино, широко запечатлевшее тогдашнюю хозяйственную жизнь: к изображенными работникам и должностным лицам кроме их обозначений бывают приписаны их разговоры и возгласы, а к представленным действиям — частные и общие пояснения («титры»).

Старое царство, точнее, время V—VI царских домов, отстоящее от нас более чем на четыре тысячелетия, — древнейшая пора египетского общества, доступная изучению в смысле производственных отношений. Производительные силы того времени хорошо известны: медный век с сильнейшими пережитками каменного, но способный с помощью простых орудий покорить могучую производительную силу — Нил. И не производительные силы, а производственные отношения Старого царства составляют более полувека предмет ученых споров.

Настоящая книга была в значительной мере готова в рукописи еще во вторую половину 1950-х годов. Сейчас уже не было возможности дополнить ее новыми данными, полученными

за истекшую четверть столетия. Только в немногих случаях были они введены в изложение. За ограниченностью предоставленного объема из книги были исключены царское и храмовое хозяйства, поскольку вопрос об обществе Старого царства решают данные не о них, а о хозяйстве вельможеском.

Мои личные изыскательские устремления были направлены не в сторону Старого царства, и если в этой книге удалось сделать что-нибудь для его понимания, то побуждение к ее написанию исходило от Института востоковедения и должно быть целиком вменено в заслугу ему.

* * *

В данном исследовании имена царей и частных лиц переданы в составе одних согласных (староегипетская письменность не отмечала гласных). Имена египетских божеств и городов огласованы по возможности на коптский лад, но их в этой книге немного. Использованы некоторые древнерусские обозначения, близкие по смыслу к египетским. Устарелое слово «титло» предпочтено привычному «титул». Последнее слово — в современном его восприятии — означает обыкновенно определенный сан или звание, реже — сочетание нескольких санов или званий. Тут же нужно было слово, которое могло бы передать ряд любых устойчивых обозначений того или иного лица, включая имя или имена. В таком смысле и применено здесь слово «титло».

В примечания внизу страницы вынесены ссылки на мнения и наблюдения исследователей; ссылки на староегипетские памятники включены в изложение. Названия книг и повременных изданий, в которых воспроизведены или описаны памятники, представлены начальными буквами слов, составляющих эти названия; при этом предлоги и союзы, а в западноевропейских языках также определенные и неопределенные члены не принимались во внимание. В конце книги приложен список сокращений, причем они расположены в порядке последовательности прописных букв (строчные буквы введены главным образом для различия иначе совпадающих сокращений).

Если за сокращением названия следует до двоеточия римское число, то оно обозначает отдельную часть или выпуск издания. Римское число после двоеточия указывает лист (таблицу), арабское же число — страницу. Число или буква, напечатанные курсивом за ссылкой на лист или страницу, обозначают отдельные воспроизведения на листе или странице. Единица или двойка вверху строки непосредственно за сокращением названия указывает на первое или второе издание книги. При сквозной нумерации во всех томах номер тома не указывается. Поясним сказанное примерами: GT: XXXIII=Grab des Ti, л. 33; MAE: 138=Les mastabas de l'Ancien empire, с. 138; RTDG I: XXIII=The Rock Tombs of Deir el Gebrâwi, pt. 1, л. 23;

G XI : 197=Gîza, Bd. 11, с. 197; ДССГЭ : 1 1 — Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа, табл. 1, надпись 1; MG I : XIX = 20 58=Die Mastaba des Gempni-kai, Bd. 1, л. 19=c. 20, надпись 58; UAR²: 149=Urkunden des Alten Reichs, 2-е изд., с. 149.

При передаче источников употреблены следующие условные знаки. В круглые скобки заключены слова или части слов, никогда в источнике не имевшиеся и вставленные для ясности. В квадратные скобки заключены слова или части слов, восстанавливаемые в разрушенных местах источника. Многоточием отмечены места, сохранившиеся в источнике, но опущенные при передаче. Прерывистой чертой —— отмечены места, ныне в источнике разрушенные и при передаче не восстановленные.

В целях облегчения печатания книги передача египетских согласных латинскими буквами с различительными надстрочными и подстрочными знаками заменена передачею русскими буквами без каких-либо различительных знаков над или под строкою. Разумеется, это чисто условная передача, ни в коей мере не притязающая на языковедческую точность.

ɔ	' над строкою	h	с дужкой	x
j	й	b	с черточкой	хъ
c	с над строкою	z		з
w	в	s		с
b	б	š	с птичкой	ш
p	п	k	с точкой	къ
f	ф	k		к
m	м	g		г
n	н	t		т
r	р	i	с черточкой	ч
h	х над строкою	d		д
h с точкой	хъ	d	с черточкой	дж

ПОНЯТИЕ СОБСТВЕННОСТИ (§ 1—5)

§ 1. *джст* — не заупокойное имение

Первой нашей задачей будет показать, что, вопреки распространенному мнению, *джст* не значило заупокойное имение или владения, выделенные на помин души. Это было замечено Б. Грдзеловым¹; примеры, на которых он основывается, отмечены ниже ссылками на него.

На каменных вратах в жилища служащих при заупокойном храме царицы *Вджбтн*, расположенные подле него в пустыне, высечены были изображения и титла жильцов, и под каждым подписанным изображением хозяина жилья стояло: «Жилище (*rwt*), что от *джст* его» (UAR:272—273=POu:22). Ясно, что *джст*, по которому обозначено было казенное жилище живого лица, не могло быть его заупокойным именем. Подробнее см. ЧСПЕСЦ:48—56.

В одном из жизнеописаний, помещенных в гробнице царского зодчего *Мрай-р^с-мрай-пtx^с-нх*, именно там, где повествуют о его молодости, читаем:

«Если был (я) позади (т. е. сопровождал) брата, (моего), распорядителя работ — — —, [бы]л (я) [с?] писанием (? или: (я) писал?) (и?) был (я) с писчей дощечкой его (т. е. носил его письменный прибор, на котором разводились сухие чернила).

И назначили его наставником (т. е. средней руки начальником) строителей, (и) был (я) с тростью его (т. е. носил за ним его трость).

И назначили его распорядителем (т. е. старшим начальником) строителей, (и) был (я) третьим (т. е. ближайшим помощником) его.

И назначили его топорщиком царевым — строителем, (и я) властвовал [для] него (над) городцом (т. е. управлял принадлежавшей брату деревней?); творил (я) для него вещь всякую (т. е. все) в нем (т. е. городце) гораздо.

И назначили его другом единственным (царя), топорщиком

¹ Grdseloff B. Deux inscriptions juridiques de l'Ancien empire.— ASAЕ. 1943, t. 42, c. 45.

царевым — строителем в обоих домах (т. е. в обеих половинах царства), (и я) учитывал для него им[ущество]ство (*ā[ш]t*) его всякое; больше (было) вещей (т. е. добра) в доме его против дома сановника всякого.

И назначили его распорядителем (государственных) работ, (и я) повторял речь его всякую (т. е. передавал все его распоряжения) по (ним) по (способу), за коий жаловал он.

И учитывал (я) для него вещи (т. е. добро) в доме, что от *đjt* его, сроком до 20 лет. Никогда не был (я) человека всякого там до (того, что) являлся он павшим от пальцев (моих); никогда не порабощал (я) людей всяких там». «(Что) до людей всяких там, с коими сносился (я) там, (то) я умиротворял их — никогда не спал (я), дуясь там на людей всяких (т. е. я никогда не ложился спать в ссоре с кем-либо там). Я давал... одежду, хлеб (и) пиво н[аг]ому (и) голодному там» (UAR:216—217)².

Не может быть никакого сомнения в том, что хозяйство старшего брата, «дом, что от *đjt* его», то хозяйство, учет которому вел младший брат в дни молодости своей в течение целых 20 лет, было не заупокойным, а самым обыкновенным, житейским.

То же словоупотребление находим и в жизнеописании областного князя *Mrij.ij-pc-nfr*, по прозванию *K'p'*. Князь говорит о себе:

«Давал (я) хлеб (и) пиво голодному, одежду *nagomu*, какого (только) находил (я) в области этой. Давал (я) крынки молока. Отмеривал (я) ячмень верховый из дома *đjt* (моей) этого голодному, найденному (мною) в области этой. (Что) до человека всякого, найденного (мною) в области этой (с) зерновою ссудою от другого заnim, (то) я — возмешавши ее владыке (т. е. хозяину) ее из дома *đjt* (моей). Я — погребавший человека всякого области этой, у которого не было сына, в одежде (т. е. пеленах) из имущества *đjt* (моей)» (UAR:254—255=ASAE XVII:136). Все это князь брал, конечно, из своего житейского, а не заупокойного хозяйства³.

Хвалясь своими добродетелями, областной князь *İbij* говорит в одной из поврежденных гробничных надписей, что помогал в беде, что делал что-то «с помощью упряжек (быков и) с помощью чади, что от *đjt* (моей)» (RTDG I:XXIII=UAR:144; поскольку притяжательное местоимение 1-го лица ед. ч. надпись не выписывает, его можно читать также после «упряжек» и «чади» или только после них, опустив после *đjt*). Вслед за этим упоминается глагол «пахать» или производное от него существительное, а непосредственно перед «упряжками» стоит *m prt*, к сожалению, без сопроводительного знака после второго слова; в *m prt* тем не менее хотелось бы видеть «с помощью семян». Таким образом, князь хвалился тем, что пахал что-то

² Приведено там же, с. 45, примеч. 4.

³ Приведено там же.

с помощью собственных быков и людей. Прилагательное принадлежности «что от», следующее за «чадью», словом женского рода, стоит тем не менее во множественном числе мужского рода и потому относится одинаково и к «упряжкам» (*xətrv*), с которыми согласовано в роде, и к «чади», за которую следует. *Джт* и здесь не заупокойное имя.

В гробнице областного князя южной окраины страны, города Иэб (греч. Елефантины), *С'бл.й* в рассказе о путешествии его в Эфиопию за останками скончавшегося там родителя отбытие князя описано так: «— соединение, что от дома *джт* (моей) (?) 100 ослов (были) со (мною) с [ума]щением, медом, одеждой» и т. д. (UAR:136); об увозе же тела почившего сказано: «...друга единственного (высокий придворный чин) этого на осле. Дал я быть подняту ему соединениями, что от дома, что от *джт* (моей). Сотворил (я) ему ларь (т. е. гроб) — — » (UAR:136—137=CMIEA:146—147).

В конце своего рассказа *С'бл.й* говорит о своем обратном пути из Верхней Эфиопии на север: «Спустился я в *B'в't* (т. е. Северную Эфиопию) (в?) *Bч(?)к*. Отправил я честного мужа царева *Ирй* с присными (*mr*) 2-мя, что от [дом]а, [что от] *джт* (моей), как провозвестников (?) с ладаном — — слоновым длиною в 3 локтя зубом 1-им, чтобы дать знать (двору), что львиная длиною в 6 (?) или 7?) локтей шкура (?) 1, доставленная отцом (моим) этим [с] приношениями всякими, [доставленными (мною)] из (чужеземных) нагорий этих» (UAR:137).

Бесспорно, князь ехал за трупом и возвращался с трупом, но отсюда никак не следует, что сопровождали князя сплошь люди из заупокойного имения. Напротив, было бы вовсе странно, если бы князь пограничной области, отправляясь в далкий и опасный поход за границу, в самое сердце Эфиопии, набрал себе в спутники людей из заупокойного имения и вестниками ко двору послал двух «присных» опять-таки оттуда же! Далее, если заупокойное имение было отцовским, то почему об этом не упомянуто ни в одном из трех мест, а если молодого князя, то не удивительно ли, что, даже не похоронивши отца, он уже имел собственное заупокойное имение? Заупокойное истолкование не подходит к дому *джт* и в этой надписи.

На изображении плача по умершим в гробнице *с'х-м-с-хър* имеется надпись: «Выход из дома, что от *джт*, на запад добрый (т. е. на кладбище в западной пустыне)» (RTS II:LXXII)⁴. Усматривать тут отбытие на кладбище не из своего дома, а из какого-то неведомого похоронного покоя нет никакого повода; более того, само изображение противится такому объяснению. Дом на изображении дан в виде чертежа, наподобие письменного знака для слова «дом», и рыдающие женщины показаны не только снаружи перед домом, но и внутри его, наполняют его,

⁴ Приведено там же.

хотя гроба с умершим в нем уже нет. Подобная подача вполне понятна, если изображенное здание — собственный дом почившего, жилище его семьи: часть домочадцев уже вышла, часть задержалась дома, но того же нельзя сказать, если представлен некий похоронный покой, так как пребывание в нем по выносе мертвеца было бы лишено смысла.

Можно было бы продолжать приводить доказательства, но и приведенных достаточно, чтобы убедиться, что *джст* и «заупокойное имение» не одно и то же.

§ 2. *джст* — вообще не земельная собственность

Второю нашею задачею будет показать, что *джст* нетождественно и с «земельной собственностью» вообще. Около пирамиды одной из цариц VI царского дома, *Вджбтн*, были откопаны остатки жилищ занятых в ее заупокойном храме должностных лиц. На притолоке над входом в одно из жилищ читаем титло повелительницы этих мест: «(Пирамида) „Устойчив (и) жив *Нфр-к'-рс*“». Повелительница, жена царя, возлюбленная его, великая... *Вджбтн*» (POu:22=UAR:272). На левом косяке в надписи к мужскому изображению читаем: «*Джст* ее (об этой *джст* см. ниже, в § 5), наставник слуг божьих (т. е. жрецов), кто над вещами божьими..., кто в чести у госпожи своей, *Хъм-снх*; имя его доброе (т. е. дружеское обозначение) *Хъмий*». Позади мужчины изображение его сына меньшего размера, надписанное: «Сын его, возлюбленный его, наставник слуг божьих *Икърий*». Под обоими изображениями строка надписи: «Жилище (*рвт*), что от *джст* его». Сходным образом отделан и правый косяк. Изображение стоящего мужчины надписано так: «Наставник слуг божьих, друг (придворный чин), распорядитель дома *Ихий*. Сын сына его, наставник слуг божьих... писец череды *Сенх.н-пtxъ*». Меньшее изображение позади пояснено надписью: «Брат его, наставник слуг божьих *Хъмий*». Стока под обоими изображениями гласит: «Жилище (*рвт*), что от *джст* его». В проходе еще раз назван сын *Хъм-снх*: «Наставник слуг божьих, писец череды, что в чести у *Птаха*, *Икърий*».

Что все или почти все названные в этих надписях лица, приходившиеся сродни друг другу, служили в одном и том же заупокойном храме, видно не только из расположения их жилищ по соседству с ним, но и из остатков учредительной его грамоты от 33 г. [*Нфр-к'-рс Пий II*], где *Икърий*, [*Хъмий*] и [*Сенх.н-пtxъ*] были названы по имени (UAR:274=POu:18).

Подобным же образом отделан был вход к другому жилищу, только притолока и правый косяк здесь не уцелели. К мужскому изображению относилась надпись: «— [кто в] чести *Ред*, сын его старший, возлюбленный его, писец череды *Икърий*». Два женских изображения меньших размеров позади мужского надписаны: «Слу(жанка) божья (т. е. жрица) Хат-

хор *Къйтт*» и «слу(жанка) божья Хатхор *Ндн*». Под этими тремя изображениями тянется надпись: «Жилище (*рвт*), что от джт его».

Так же, несомненно, отделан был и третий вход, от которого уцелели на притолоке конец имени [*Вджбт*]н с ее изображением, начало надписи на левом косяке («джт ее — — —»), а на правом — подписи к мужским изображениям, переднему побольше и заднему поменьше («[Наставник слуг божьих], друг (царев), распорядитель дома поварни, кто в чести у госпожи своей, *Имний*» и «Сын его старший, распорядитель дома, кто в чести, *Хънв*»), однако строка внизу «[жилище, что от джт его]» не сохранилась — отбита (UAR:273=POu:24).

Надписи эти очень поучительны. Перед нами жреческий поселок при заупокойном храме царицы. Над входом в жилища неизменно стоит титул «высокой» владелицы этих мест, и ее же именуют «госпожою своею» проживающие здесь должностные лица. Эти последние называют себя и своих близких на косяках дверей и обозначают дома как «жилища, что от джт» их. Однако эти постройки не могли быть частною собственностью служащих: упоминание на одном входе по меньшей мере двух жилищ, одного на левом, другого на правом косяке, доказывает, что эти двери вели не в обособленные домики, построенные владельцами для себя и по собственному усмотрению, а в общие места обитания, выстроенные однообразно из расчета на два семейства. Тем самым правильно будет говорить не о собственных домах, а об «общежитии», разбитом на обособленные жилища. Не приходится говорить, насколько неуместен был бы перевод джт не только как «заупокойное имение», но и как «земельная собственность» в приложении к данным надписям. Какой смысл могли иметь обозначения совместных казенных жилищ при заупокойном храме среди пустыни как принадлежащих к заупокойным имениям или земельной собственности проживающих в них должностных лиц?

В указе одного из последних царей Старого царства на имя правителя *Шм'й*,увековеченном на стене храма Мина в Кэбто, говорится об обеспечении поминальной службы по верховному сановнику в личных его поминальных каплицах внутри городского храма. Эти каплицы именуются «двором двойника, что от джт твоей», «двором двойника верхним, что от джт твоей» (UAR:302):

«Хор, божественный душами.

Указ царя отцу бога (т. е. радетелю цареву) возлюбленному, князю, распорядителю города (при пирамиде, т. е. градоначальнику столицы), привратному судье (т. е. верховному судье, судившему некогда у правительственные врат), правителю (т. е. верховному сановнику), распорядителю писцов грамоты царевой, распорядителю слуг божьих (т. е. жрецов), жрецу Мина *Шм'й*.

Приказало величество (мое) набрать тебе 12 наставников

слуг двойника (т. е. надзирателей за заупокойными жрецами) во двор двойника —— (пробел, возможно, умышленный, вследствие истребления ошибочно повторенного „что от джт твоей“, как допускает К. Зете), что от джт твоей („что от“ согласовано в роде с „двором двойника“), чтобы жречествовать тебе, чтобы читать тебе месяц один.

Приказало величество (мое) набрать тебе 12 наставников слуг двойника во двор двойника, что от джт твоей, который во дворе божьем (т. е. в храме) Мина Қэбто.

Приказало величество (мое) набрать тебе 12 наставников слуг двойника в каплицу верхнюю, что от джт твоей.

Приказало величество (мое) набрать тебе 10 наставников слуг двойника, чтобы творить тебе вещь (т. е. совершать тебе жертвоприношение) в год —— ——.

Приказало величество (мое) набрать тебе 10 наставников слуг двойника жене [твоей], дочери царевой старшей, красе царевой единственной, Нбт, чтобы жречествовать для [нее], чтобы читать для нее месяц один в... —— во дворе двойника, что [от джт твоей].

Приказало величество (мое) набрать [столько-то] наставников слуг двойника —— из чади, что от джт твоей, набр —— семи в области двух соколов (т. е. в области Қэбто) ——, что от джт твоей.

А после дат —— в (или: согласно?) то, что под печатью (т. е. запечатанную грамоту) ——.

Было дано прийти [д]ру[зьям] (царевым) [единственн(ым) Хәмий (и) Йи-йт.ф по поводу этого].

Запечатано юбок царя самого (т. е. в личном присутствии царя) месяца 2-го [Всходов, числа 20-го]» (UAR: 302—303 = KDAr: против 208).

«Двор двойника, что от заупокойного имения твоего» или «от земельной собственности твоей» звучали бы определенно неестественно применительно к поминальным каплицам внутри городского храма и на храмовой земле.

На стене гробницы придворного *Bn-m-nft* начертано завещание в пользу старшего сына, в силу которого последнему предоставляется в отчей гробнице не только место для погребения (склеп), но и место для получения заупокойных жертв (каплица). Надпись сопровождается большим изображением завещателя с приподнятой в знак речи рукою. Речь сановника обращена к 15 свидетелям, изображенным каждый за своим именем. Виновник торжества, старший сын вельможи, представлен фигурой скромного размера у ног родителя, стоя лицом к нему.

«Год соединения обеих земель (т. е. год воцарения не названного по имени царя), месяц 3-й Всходов (т. е. зимы), числа 29—30-е.

Друг единственный (придворный чин) *Bn* (сокращение от *Bn-m-nfrt*) сказывает:

Дал (я) сыну (моему) старшему, уставщику *Ибий*, *джт* (мою): склеп (*xə't*) северный с коморою (*йзт*) северною, что для возглашения (т. е. заупокойного жертвоприношения), которые в гробнице, что от *джт* (моей), что от (места) того, что под богом (т. е. на кладбище у подножия пирамиды царя). (Да) погребут его в ней (и да) возглашают (т. е. приносят заупокойную жертву) для него там. Состоящий в чести это. Не имеет права брат (мой) всякий на нее, (ни) жена (моя) всякая, (ни) дети (мои) все на нее, кроме сына (моего) старшего, уставщика *Ибий*, коему дал (я).

Дано было обок (т. е. в присутствии) свидетелей многих. Претворено в письмо обок (т. е. в присутствии) его самого» (EG II: между 190 и 191).

Отдельно около самого изображения завещателя и в направлении, противоположном тому, в котором написано завещание, начертано:

«Сотворено обок (т. е. в присутствии) его самого, живого (и) бывшего на ногах своих, (когда) сотворял он приказание слова» (там же).

Что значит *джт* между именем сына и наименованиями частей гробницы, ему предоставленных? Может ли оно быть словом «вечность»? Вряд ли, и вот по каким причинам. Во-первых, при таком его значении закономерная последовательность слов, без того уже нарушенная по староегипетской некоей вольности постановкою косвенного дополнения «сыну» и т. д. перед прямым дополнением «склеп», была бы вконец упразднена помещением не *за*, а *перед* последним еще обстоятельства времени *джт* «навечно»: «Дал (я) сыну (моему) старшему, уставщику *Ибий*, навечно склеп северный» и т. д. Во-вторых, значение «вечность» невероятно в силу внешнего строения надписи, так как она написана так:

Год, месяц, число
Друг единственный *Vn* сказал: Дал сыну старшему, уставщику *Ибий*,

Дано обок свидетелей многих и т. д.

<i>джт:</i> склеп северный с коморою северною, что для возглашения, которые в гробнице, что от <i>джт</i> , что от того, что под богом	Да погребут его и т. д.	Жена всякая и т. д.	свидетели
--	----------------------------	------------------------	-----------

Если бы *джт* было существительным «вечность», употребленным как наречие «навечно», то ввиду крайней пространности прямого дополнения перед ним в начале речи естественно было бы ожидать *джт* (в конце 3-й строки после имени *Ибий*)

Также это *джст* оказывается во главе первой отвесной строки, занятой исключительно прямым дополнением — предметом дарственной. Потому *джст* хочется отнести обязательно к последнему, а никак не к содержанию уровенных строк.

Если *джст* здесь не «вечность», оно должно быть нашим *джст*. Возможность истолковать это *джст* как приложение к имени *Ибий* исключена. «Сыну (моему) старшему, уставщику *Ибий, джст (моему)*» — ничего похожего на такой оборот невозможно найти в староегипетских надписях. Звание *джст* никогда не стоит в виде приложения после имени, как в этом легко убедиться, пересмотрев собранные ниже примеры. Затем остается в полной силе только что приводившийся довод от внешнего строения надписи. Приложение *джст* мы ожидали бы в конце 4-й строки после имени, которому оно было придано, а не во главе обозначения предмета дарения, вверху отвесной строки, заполненной донизу одним и тем же обозначением.

Потому остается только принять мнение издателя, видящего в *джст* прямое дополнение к «дал (я)». Тем самым *джст* оказывается здесь обозначением того, что отец предоставил сыну. Словом *джст* обозначены в надписи северные склеп и каплица внутри отцовской гробницы, и мы оказываемся в счастливом положении воочию ознакомиться с тем и другим и их местом и значением в усыпальнице в целом.

Гробница представляет собой в основании почти равносторонний прямоугольник (22×20 м), обращенный своими сторонами примерно на север, юг, восток и запад. Это внушительное каменное сооружение, вышиною не менее чем в три средних мужских роста, отчасти иссеченное из скалы, отчасти сложенное из отесанного камня. Вход внутрь этой громадной каменной гряды — с востока из небольшого дворика. Следует скромная передняя, из которой дверь на юг ведет в тайник с каменными изваяниями, дверь на запад — следовательно, прямо против входа — в каплицу хозяина с двумя ложными дверями в глубине, дверь на север — в каплицу сына. Позади каплиц сквозь толщу гробницы глубоко в скалу уходят колодцы склепов, по одному колодцу за каждой каплицей.

Бросается в глаза странное несоответствие в размерах между каплицею отца и каплицею сына: последняя (9,12 м в длину, 1,98 м в ширину, 3,19 м в высоту) чуть ли не в два раза больше первой (5,10 м в длину, 2,28 м в ширину, 2,37 м в высоту). Но сыновняя каплица превосходит отчую не только величиною: она не в пример той и лучше отделана. У отца привозным из каменоломен по ту сторону реки белым известняком были облицованы только ложные двери, у сына — сами стены его объемистой каплицы. Из того же белого известняка был сложен и ее потолок; дверь в нее тоже, по меньшей мере частично, была облицована этим камнем. Даже там, где высекались изображения и надписи, как на притолоках и косяках, двери в каплицу, отец довольствовался поверхностью скалы,

из которой они были высечены. Изображения на этих дверях чисто семейного порядка, и надписи не идут дальше титлов и заупокойных пожеланий. Заупокойными пожеланиями на имя хозяина они ограничиваются и на притолоках его ложных дверей. Совсем иное дело — каплица сына. Наддверные надписи и изображение не представляют ничего примечательного, но внутри каплицы помимо завещания и изображений завещателя, его сына и свидетелей с соответствующими приписками на одной из стен изваяны четыре пояса производственных изображений — медники, лощильщики, столяры, ваятели, изготовители украшений, пивовары и хлебопеки — со множеством надписанных над ними деловых разговоров и кратких обозначений работников. Отделана в каплице изображениями и надписями только южная часть восточной стены. Остальные стены остались без них, не были отделаны, как не были, по-видимому, доделаны и ложные двери в двух углублениях по концам западной стены. Однако, как замечает издатель, белокаменная обшивка каплицы, несомненно, была рассчитана на такую отделку.

Чем объясняется поразительное несоответствие по размерам и отделке между двумя каплицами? Объяснение может быть только одно: отец уступил своему рано умершему сыну каплицу, которую подготовил для самого себя. И это не только единственное возможное объяснение, это свидетельство самих надписей, явственно слышное, стоит лишь внимательно прислушаться. Отец был очень высокопоставленным лицом. Его звания указывают на личную близость к царю, которому он был не только «другом единственным» (высокий придворный чин), но и прямым помощником при облачении (как «энхабец главный, таинник дома утра»), «руководителем дворца» и распорядителем по столовой части (как «настоятель выдачи при дворе жизни»⁵). Мало того, он состоял в родстве с самим царским домом, так как жена его с громким именем *Мр.с-снх* — известно несколько цариц с этим именем — была «дочерью царя». И вот при подобных связях сын и внутри своей богатой каплицы, и в отчетном завещании, и в приписке к сопутствующему изображению, и на притолоке над дверью в нее не может похвальиться ни одним сколько-нибудь звучным званием. «Уставщик (*хъри-хъбвт*), таинник (неизвестно чего), писец книги божьей, состоящий в чести у владыки своего повседневно» — вот самое пышное титло, какое ему можно было придумать. (EG II: между 190 и 191). Что то были совсем заурядные звания, подчеркивается наглядно тем обстоятельством, что и другой сын хозяина гробницы был тоже «уставщиком, писцом книги божьей» (EG II:186). Естественно потому предположить, что *Ибий* умер молодым, не успев дослужиться до больших чинов. Только что упомянутый другой сын хозяина титлом своим под-

⁵ О значении этих званий см.: *Gardiner A. H. The Mansion of Life and Master of the King's Largess.* — JEA. 1938, vol. 24, c. 83—91.

тврждает то как нельзя лучше. Отождествлять этого сына с *Ибий* нет никаких оснований. В той же передней, где последний над дверью в свою каплицу на обеих притолоках назван *Ибий* (EG II:189=LXXII=LXXXIII), другой сын на косяке двери в отцовскую каплицу именуется *Хв-р^с*. *Ибий*, и только *Ибий*, дважды зовется сын внутри своей каплицы, как в полном своем титле, так и в правовой надписи — в самом отцовском завещании. Потому совсем невероятно, чтобы «*Ибий*» было прозвищем *Хв-р^с*. В том, что оба сына одинаково именуются «старшиими», нет ничего, что говорило бы за их тождество. Ведь «старший», как известно, значило тогда отнюдь не «первенец», но прилагалось к любому из здравствующих сыновей, который в данное время был старшим среди своих братьев⁶. По смерти старшего сына *Ибий* старшим сыном становился *Хв-р^с*, и это снова свидетельствует о том, что *Ибий* умер молодым.

Но есть еще одно любопытное обстоятельство, бросающее яркий свет на судьбы каплицы, уступленной *Ибий*, и одновременно на его собственную судьбу. Снимки (EG II:LXXIV—LXXVI) совершенно ясно показывают, что завещание и связанные с ним приписки к изображениям завещателя, его сына и свидетелей начертаны совсем иначе, нежели приписки к соседним производственным изображениям. В то время как приписки к производственным изображениям выполнены все выпуклыми письменами, требовавшими большого труда, так как надо было вокруг них осторожно снимать окружающую поверхность, завещание и связанные с ним надписи написаны знаками, просто врезанными в камень. Это тем примечательнее, что так написаны даже титлы к изображениям хозяина и его сына. Даже разделительные черты у надписей и изображений выпуклые в производственной и врезанные в завещательной части. Далее, завещание и соединенные с ним изображения и надписи просто прилеплены сбоку и отчасти сверху к поясам производственных изображений, не имеющим к завещанию ни малейшего отношения. Положение представляется вполне ясным. Ко времени смерти *Ибий* каплица в гробнице его отца была вся уже изнутри облицована и подготовлена для нанесения на стены ее изображений и надписей, но из тех и других до кончины *Ибий* успели выполнить только четыре пояса надписанных производственных изображений. Когда *Ибий* умер, отец предоставил для его поминок свою незаконченную каплицу и поместил об этом завещание и соответствующие надписанные изображения около готовых четырех поясов. Последние занимали лишь часть стены и достигали только половины ее в вышину. Своими добавлениями отец нарастил отделанную часть поверхности как в ширину, так и в высоту и так получил цельный, отделанный сверху донизу кусок стены, внешне представительное цеплое, хотя и бессвязное внутри. Добавления делались упрощен-

⁶ Goedcke H. Zwei Inschriften aus dem Grabe des Mittj aus Sakkara.—ZAS. 1958, 83, c. 26.

ным способом, и надписи их были только врезаны, но не изваяны. Тогда же были надписаны над дверью в каплицу титло ее нового владельца и заупокойное пожелание на его имя.

Согласно завещанию, отец предоставил сыну северный склеп. И действительно, в склепе внизу колодца, позади усыпальницы *Йбий*, оказался каменный гроб с человеческими останками.

Поскольку завещание говорит о северном склепе и о северной каплице, южный склеп и южная каплица должны были уже существовать ко времени составления дарственной или по меньшей мере твердо намечены к выполнению. Во всяком случае, оба они или одна каплица не были готовы настолько, чтобы приютить в себе зараз прах и поминальную службу умершего сына. Южная каплица так никогда и не была закончена, если судить о том по ее голым стенам, лишенным как белокаменной обшивки, так и каких-либо надписей и изображений. Глубокий колодец позади этой каплицы, ведший к южному склепу, не был до конца обследован, и потому неизвестно, в каком состоянии был оставлен этот склеп. Склеп и каплица дожили до наших дней, и в них мы имеем двух осязаемых представителей *джт*. Последнее в приложении к ним явно не значило «земельная собственность»: назвать так подземный колодец с могилкой на конце и надземную капличку, внутри чужой гробницы и посреди пустыни, можно было только разве в шутку. Склеп и каплицы были не более как частичками отчей усыпальницы, вкрапленными в ее каменную толщу, и эта толща составляла сами их стены. И вообще словом *джт* охотно определяли слово *из* «гробница»: «гробница *джт* ее (т. е. умершей)» (гробница *H(й)-м'ст-рс* и *Нфр.с-рс*, EG II:205, LXXVIII 2 и 3), «гробница, что от *джт* (моей)» (гробницы *Рмнв-кс*, EG II:173=LXI 2; *H(й)-м'ст-рс*, EG II: между 220 и 221; *Хътп-н-пtxб*, DAeAe II:LXXXII=UAR:187; *Bn-м-нфрт*, EG II: между 190 и 191; вероятно, также два раза у Чий, TT I:X=GT:IX), «гробница *джт* (моей)» (гробницы *H(й)-м'ст-рс*, EG II:213=LXXXI 1; *Mpp-в(й)-к'*, MM:CCXII—CCXIII=UAR:88; *Пн-мр.в*, ASAE XLII:39=42—44; безымянная гробница около пирамиды *X^c.ф-рс*, три раза, DARMK:XVIII=UAR:11—12, 14—15=IHCE:I=ThIAe:1210—1212=RTRPhAEA XXIX:75—79), «гробница *джт*» (гробница *K'-хр-пtxб*, G IX : 78). Повсюду здесь *джт* также не могло значить «земельная собственность», так как могила на царском кладбище за тридевять земель от имений умершего, посреди сыпучих песков пустыни очень мало походила на земельную собственность.

В своем припоминавшемся уже выше в § 1 гробничном жизнеописании областной князь *Мрй.й-рс-нфр*, по прозванию *Кър*, хвалится не только тем, что кормил голодных зерном «из дома *джт*» своей, уплачивал за должников зерновые ссуды «из дома *джт*» своей, но и тем, что «погребал не имевших сына в пеленах» из имущества «(*йшт*) *джт* своей» (UAR:254—

255=ASAE XVII:136). Различие, которое здесь делается между «домом *джст*» и просто «*джст*», показательно. Выдавать зерно было естественно из «дома», из хозяйства; запасы зерна должны были иметься там у князя постоянно и в большом количестве, были неотъемлемой составной частью хозяйства. Иное дело — «одеяние» для погребения. Нельзя же было, в самом деле, сказать: я погребал всякого жителя области, у которого не было сына, в саване из моего дома или хозяйства. Княжий дом и его хозяйство не были заведением похоронных дел. Сказать же: в одеянии, приготовленном из моего добра, т. е. моих запасов ткани, было вполне правильно. Здесь *джст* противопоставлено дому *джст* и, конечно, не имеет никакого земельного смысла: «из имущества земельной собственности моей» звучало бы применительно к гробовым пеленам по меньшей мере нелепо.

Во всех этих примерах *джст* определенно не могло означать «земельная собственность».

§ 3. *джст* противопоставлено государственному

Особенно отчетливо это противопоставление выступает по отношению к *хънв* «Местожительству (царя)».

В гробнице областного князя *Ибий* хозяин представлен смотрящим на всевозможные ремесленные работы: каменотесные, плотнические (судостроительные), столярные, обработку меди, золота, самоцветов, изготовление каменной посуды, низание ожерелий, ваяние — и на учет производства писцами. Надпись над князем, поясняющая изображение в целом, гласит: «Смотрение на работу всякую в помещении мастеров в руках мастеров всяких, что изнутри (и) извне, счет рук мастеров всяких писцами, что от *джст* его, сотворение замысла работы всякой» (RTDG I:XIII).

Над частными изображениями находим, между прочим, следующие надписания. Между двумя мужчинами, лощащими ларь, написано: «Топорщики (в данном случае — столяры), что от Местожительства» (RTDG I:XIV).

Между двумя другими мужчинами, занятыми тем же делом, непосредственными соседями двух первых, стоит: «Топорщики, что от дома *джст*» (там же).

Над каменотесами, совместно обтесывающими глыбу камня, находится надпись: «Камнесечцы, что от Местожительства (и) дома *джст*, творящие жалуемое (т. е. благоугодное хозяину)» (RTDG I:XVI).

В общем надписании выражение, переданное мною словами «что изнутри (и) извне», по-египетски читается *нт хънв рwt*, досл. «что от внутреннего (и) внешнего». Поскольку в частных пояснениях первым членом противоположения является похожее по звучанию слово — *хънв*, переданное мною как «местожи-

тельство», естественно, возникает вопрос: не одно ли и то же слово употреблено в обоих случаях, в частных надписях и в обобщающем их общем?

Конечно, *хънв* «местожительство» — производное от *хънв* «внутреннее», поскольку «местожительство» есть внутреннее, а не «наружное» по отношению к дому или поселению, однако словоупотребление уже Старого царства таково, что *хънв* «местожительство» имеет свое собственное, особое значение. Определение «что изнутри (и) извне» не есть принадлежность одной данной надписи, но вполне обычный и широко распространенный оборот. Гробница *Йбай*, где эта надпись находится, была создана в последние десятилетия VI царского дома и расположена далеко от столицы в Среднем Египте; от начала того же дома дошла печатка некоего «тайника» (т. е. посвященного в труднодоступные для других дела) царя в месте его всяком, что изнутри (и) извне» (RTRPhAEA XXIX:XXXII 41); один из частных служащих вельможи *Pc-vр*, современника середины V царского дома, *Мр-св-снх*, в гробнице своей подле Мэнфе называет себя «распорядителем имущества его (т. е. вельможи) всякого, что изнутри (и) что извне» (EG I:109=LXVIII 3). Значение «местожительство» как будто не подходит к *хънв* данного определения «что от внутреннего (и) внешнего» по той простой причине, что противопоставление здесь чисто пространственного порядка: «внутреннее» — «внешнее», а не «местожительство» — «внешнее». «Что от внутреннего (и) внешнего» придается как определение словам самого разного содержания: «ремесленники», «места», «имущество», и во всех перечисленных случаях определение следует за обобщающим «всякий»: «ремесленники всякие (или: все)», «место его всякое», «имущество его всякое». Потому нельзя ли себе представить, что и выражение «что изнутри (и) извне» служит простому обобщению, является усиленным подтверждением предшествующего обобщающего «всякий», именно в приложении его к пространству? Словарь для *нт хънв рвт* из гробницы *Йбай* предлагает с вопросительным знаком перевод: «здесьние и сторонние»⁷, следовательно, не находит здесь никакого «местожительства». «Ремесленники всякие внутренние (и) внешние», «место его всякое внутреннее (и) внешнее», «имущество его всякое внутреннее (и) внешнее» звучит как будто не так уж плохо и могло бы значить «ремесленники всякие отовсюду», «место его всякое повсюду», «имущество его всякое повсюду». «Что изнутри (и) извне» окажется равнозенным «всюду», «повсеместно». Правда, при таком понимании «внутреннее—внешнее» в обобщающей надписи не будет совпадать с «внутренним (=местожительство) — домом *джт*» в частных надписях, иными словами, то и другое не будет разным выражением одной и той же противоположно-

⁷ Erman A., Grapow H. Wörterbuch der aegyptischen Sprache. Bd. 2. Lpz., 1928, c. 404.

сти. Но скажут, быть может, что это только хорошо, так как вторые члены этих противопоставлений — «внешнее» и «дом джст» — слова совсем не похожие друг на друга.

Но есть одно обстоятельство, которое в корне подрывает доверие к такого рода рассуждению. *Йбий* был отцом и предшественником в управлении XII верховою областью князя *Джсв*, по прозванию *Шм'й* (ср. RTDG I:V с RTDG II:X), и гробница *Йбий* была расположена рядом с гробницею *Джсв*, общею у него с одноименным же сыном и преемником. И вот в гробнице князя *Джсв*, по прозванию *Шм'й*, тоже, оказывается, есть изображение хозяина, наблюдающего за ремесленными работами, притом явственно перекликающееся с изображением в отчей гробнице. Ваятель, делающий изваяние, и живописец, расписывающий другое, двое лощильщиков, лощащих кровать, столяры, отделяющие носилки и столбик, просто списаны с изображений у *Йбий* (RTDG II:X=RTDG I:XIV). Отклонения, если они есть, ничтожны. Все кораблестроители *Джсв* заимствованы у *Йбий* (RTDG II:X=RTDG I:XVI), плавильщики меди только уменьшены в числе (RTDG II:X=RTDG I:XIV). Несколько изменено положение рук у золотых дел мастеров и у лощильщиков, лощащих ларец одинакового в обоих случаях вида (RTDG II:X=RTDG I:XIV). Налико и шкаф, только столяр перед ним у *Джсв* разрушен (RTDG II:X=RTDG LXIV), и с легкими изменениями столы, устланные ожерельями и установленные посудою (RTDG II:X=RTDG I:XIII). Должностное лицо с выступающим передником, стоящее посреди ремесленников, повторено и у *Джсв*, только изображены разные люди (RTDG II:X=RTDG I:XIV). Даже там, где сын существенно отклоняется от родителя, зависимость сразу заметна. Золотой жезл в гробнице *Джсв* вынут из рук мастера и представлен самостоятельно большого размера подле лощильщиков, лощащих для него ларец (RTDG II:X=RTDG I:XIV), но зато мастер был вооружен теслом и в том же положении усажен посреди кораблестроителей, якобы обтесывая весло, но последнее, вопреки надписи, похоже не на себя, а как две капли воды на золотой жезл и держится мастером совершенно так же, как он (RTDG II:X=RTDG I:XIV). Не забыт даже писец, сидящий перед князем и поворачивающий точно так же к нему голову, только писцовая дощечка изменила свое положение (RTDG II:X=RTDG I:XV). Если бы изображение в гробнице *Джсв* сохранилось лучше, сходство могло бы быть прослежено еще дальше. Но и так ясно, что изображения в гробнице сына сплошь заимствованы или переделаны из отцовских. Несколько самостоятельнее *Джсв* в части надписаний, но и тут большинство их повторяют отцовские, полностью или отчасти: «Обтесывание топорщиком столб(ика)» (RTDG II:X=RTDG I:XIV); «Лощение кровати из (дерева) ссджм» у *Джсв* (RTDG II:X)— «Лощение кровати мастерами» у *Йбий* (RTDG I:XIV); «Лощение ларя, что для бога чистого (?)» у *Джсв* (RTDG II:X)—

«Битье лошилами; ларь, что для [бога] чистого (?)» у *Ибий* (RTDG I:XIV); «[Обтесывание] носилок черного дерева» у сына (RTDG II:X) — «Обтесывание носилок топорщиком у отца (RTDG I:XIV).

Таким образом, изображения ремесленников и их надписания у *Джсв* не более как сокращенное и переработанное издание соответствующих изображеньиц и надписаний в гробнице *Ибий*. В последней наше внимание удержалось на общем надписании всего изображения в целом, помещенном над головою наблюдающего князя. Как выглядит соответственное надписание в гробнице сына, сохранило ли новое издание старое заглавие или позже его немного видоизменило, и если видоизменило, то как оно пересказало занимающее нас место? К сожалению, концы всех пяти отвесных строк над головою *Джсв* пропали, но и уцелевшие две трети надписи дают много для нашего исследования.

(Над головою *Джсв*,
RTDG II : X)

«Смотрение на работу [пробел в два-три длинных знака], что от *хънв* (и) дома *дж[т]* князем» таким-то (следует пространное титло).

(Над головою *Ибий*,
RTDG I : XIII)

«Смотрение на работу всякую в помещении мастеров, в руках обеих мастеров всяких, что от *хънв* (и) внешнего, счет рук обеих мастеров всяких писцами, что от *джт* его, сотворение замысла работы всякой» (следует титло князя).

Итак, отчее «внутреннее» — «внешнее» пересказано сыном как «внутреннее» — «дом *джт*». Теперь выясняется и то, что слова в общем надписании у *Ибий* «мастера всякие, что от внутреннего (и) внешнего» были действительным, а не кажущимся обобщением обозначений отдельных ремесленников в частных приписках: «топорщики, что от внутреннего» и «топорщики, что от дома *джт*», «камнесечцы, что от внутреннего (и) дома *джт*». Перед лицом двукратного соответствия «внутреннего» — «внешнего» «внутреннему» — «дому *джт*» должно смолкнуть всякое сомнение в одинаковом во всех случаях смысле «внутреннего» и *равнозначности в каком-то отношении* «внешнего» и «дома *джт*». Но что значат тогда все эти выражения?

Начнем с «внутреннего». Ясно, что ни у *Ибий*, ни у *Джсв* оно не употреблено в пространственном смысле, потому что как пространственное понятие оно не могло бы быть противопоставлено «дому *джт*», обозначением пространственного порядка отнюдь не являющемуся. «Внутреннее» могло значить здесь только «местожительство», но спрашивается — чье? Частным «местожительством» оно не могло быть по той причине, что, как таковое, его нельзя было противопоставить «дому *джт*», который сам прежде всего обозначал частный дом (см. ЧСПЕСЦ:82—88; ср. также *рв.т н.т джт* «жилище, что от-

дже», ЧСПЕСЦ:54—55). Быть «местожительством» князя как правителя области наше «внутреннее» вряд ли могло уже потому, что подобного словоупотребления в Старом царстве неизвестно. «Местожительство» в устах областных князей того времени относится всегда к царскому местопребыванию, никогда не имеет в виду правительственного средоточия в области (ср., например, UAR:137, 138, 254, 255, 259, 264, 267). Это особенно бросается в глаза, когда речь идет о самой области в ее отношении к «местожительству». Областной князь южноегипетского Этбо (ныне — Эдфу) *Мрй.й-р^с-нфр*, по прозванию *Къ'р*, говорит в своей гробнице: «Дал (я) стать откормленными быкам области этой лицом (т. е. показными представителями?) быков в хлевах (?) впереди Верховья в целокупности его. Не (есть) найденное (мною) это в руке главы, бывшего в области этой прежде, потому что бдителен был (я), потому что благодетелен был (я), (когда) управлял вещами для Местожительства» (UAR:254=ASAE XVII:136).

Сходным образом выражается в поврежденной гробничной надписи областной князь Шмина (ныне — Ахмим) *Йий*, по прозванию *Мрй.й*: «— — — область эта в счете вещей для Местожительства» (UAR:264). Если так говорили сами князья, то в устах царя такая речь была подавно уместна. В указе, освобождавшем одну из храмовых усадеб в области города Кэбто (ныне — Куфт) от повинностей и податей в пользу казны, царь *Нфр-к'-р^с Пий II* говорит: «Не дает величество (мое) [взимать]… начисляемое [в пользу] Местожительства в области этой» (следует перечень того, от чего усадьба освободилась) (UAR:289).

Что под «местожительством» *Йий* и *Дж^св* разумели не свое княжеское местопребывание, а царское, доказывается также смыслом выражения «что от внутреннего (и) внешнего» в других надписях. Если служащий вельможи *Р^с-вр* *Мр-св-снх* называет себя «распорядителем имущества его всякого, что от внутреннего (и) что от внешнего» (EG I:109=LXVIII 3), то «внутреннее» здесь никак не обозначает областной столицы, так как *Р^с-вр* был не областным князем, а одним из влиятельнейших сановников из ближайшего окружения царя. Напротив, «распорядитель имущества его всякого, что от Местожительства (царского) (и) что извне» дает вполне приемлемый смысл: *Мр-св-снх* хвалится, что управлял всем имуществом богатого царедворца — как в самом царском «Местожительстве», так и вне столицы. Также и на печатке «тайника царя в месте его всякому, что от внутреннего (и) внешнего» (RTRPhAEA XXIX:XXXII 41) «внутреннее» может быть только царским «Местожительством».

Обе последние надписи помогут нам уточнить и значение «внешнего». Выражение «место всякое, что от Местожительства», или, говоря более по-русски, «место всякое Местожительства», нередко встречается в староегипетских надписях и обозна-

чает те царские учреждения, где изготавлялись или хранились всевозможные блага. Так, царевич *К'-м-чннт* говорит: «Дало величество его установленну быть для меня возглашению (т. е. заупокойной жертве) из мест всех Местожительства» (UAR:184=ES II:86=LXI 5).

Какого это рода «места», мы ближе узнаем из гробницы столичного верховного жреца *С'бв*: «Да умиротворится (и) даст царь, да умиротворится (и) даст Ануp (излюбленное божество мертвых Старого царства), чтобы выходило для него (т. е. умершего) возглашение (т. е. заупокойная жертва) обеих житниц из обоих домов белых (т. е. хранилищ ценных благ), из комор украшений царя, из дома доставки, из дома изобилия, из места всякого Местожительства, из коего исходит возглашение» (UAR:177=MAE:414=IHCE:XCIII).

Неудивительно, что правитель («везир») *К'-гм.н(й)* с особой нежностью отзыается в своей гробнице об этих источниках благ, прилагая к «местам» самое лестное определение. Над шествием из двенадцати мужчин, несущих умершему ценные умашения, стоит: «Доставка пред(почительнейшего из) умашений, исходящего из Местожительства как жертва, данная царем, из места всякого благого (*мнхт*) Местожительства для привратного судьи (т. е. верховного судьи, некогда судившего у правительственныех (врат) правителя *К'-гм.н(й)*)» (MG II:XL—XLI=20—21 221).

Вне связи с поминками в надписи жизнеописательного порядка в составе титла наши «места» упоминаются в гробнице правителя (верховного сановника) *Снджм-йб*, по прозванию *Йнтй*: «—— распорядитель обоих домов белых (т. е. хранилищ ценных благ), [распорядитель] коморы [украшений] царя, распорядитель дома оружия (т. е. оружейного хранилища), распорядитель места всякого Местожительства, распорядитель домов Верховья» (UAR:59=DAeAe II:LXXVI).

«Оба дома белых» и «комора украшений царя» известны нам из предыдущих надписей; «дом оружия» был тоже одним из источников благ для умершего (UAR:138=CMIEA I:147—148). Таким образом, перечень званий, предваряющих звание «распорядителя места всякого Местожительства» и этим званием как бы подытоженных, касается того же рода учреждений, что и приведенные выше примеры,— хранилищ и источников вещественных благ.

Естественно будет предположить, что звание «тайник царев в месте всяком, что от Местожительства (и) внешнего» имеет в виду те же столичные учреждения и еще некие иные, сходные с теми, но вне «Местожительства», притом, разумеется, царские, а не частные, так как сановник ведает их «тайны» как «тайник царя».

Следовательно, как у *Мр-св-снх*, так и здесь противоположность между «Местожительством» и «внешним» пространственного порядка, «внешнее» равноценно «внестоличному».

Если это значение ввести в надпись *Йбий*, то его «ремесленники всякие, что от Местожительства (и) извне», окажутся «ремесленниками столичными и вне столичными». Но тогда спрашивается, где они работали — в столице или в Среднем Египте, где княжил *Йбий* и где находилась его гробница? Работали они вместе в одном и том же «помещении мастеров», и учитывали их одинаково личные писцы князя («писцы, что от *джт* его»). *Йбий* мог подолгу живать в столице; некоторые звания его указывают на действительную и тесную связь его с нею и со двором: «распорядитель обеих житниц» (RTDG I:III, XVIII), «распорядитель обоих птичьих прудов» (RTDG I:III, XII), «распорядитель обоих домов белых (т. е. хранилищ ценных благ)», «надзиратель слуг бога (т. е. жрецов) (пирамиды) „Нфр-к'-р^с устойчив (и) жив“» (RTDG I:IV, XVII, XVIII), разные придворные чины. Можно поэтому представить себе, что у князя в столице была мастерская, в которой совместно работали мастера, как предоставленные ему двором, так и привезенные князем извне — с родины его в Среднем Египте. Но какие бы столичные должности князь ни занимал, он был прежде всего правителем своей области, и в ней, а не в столице создал он себе усыпальницу — свое жилище на веки вечные. Потому правдоподобнее предположить, что мастерская была не в столице, а в области, которую правил князь, и что здесь вместе с местными работниками — для столицы «внешними» — трудились присланные из нее.

Однако есть еще третья возможность понять положение, которое лучше всего отвечает наличным данным.

Место из общего надписания у *Йбий*
«что от Местожительства (и) внешнего»
пересказано из Дж^св словами
«что от Местожительства (и) дома *джт*»
и у самого *Йбий* служит обобщением для противопоставлений частных надписаний:

«что от Местожительства» — «что от дома *джт*»

и
«что от Местожительства (и) дома *джт*».

Так как противоположность между «Местожительством» и «домом *джт*» явно не пространственного порядка — работники Местожительства противопоставлены работникам самого князя, — сама собою напрашивается мысль, что и противоположность между «Местожительством» и «внешним» в данном случае *не столько пространственная, сколько общественная*: одни работники принадлежат Местожительству, другие — тому, что вне его; *одни государственные, другие постороннего, частного лица*. При таком понимании совсем не обязательно, чтобы мастера Местожительства проживали при дворе и оттуда направлялись к князю. Они могли проживать у него в области, но числиться за Местожительством, за правительством, *за государством*. Сильным доводом в пользу последнего толкования

может служить наличие подобной же двойственности в составе сельскохозяйственных и перевозочных работников князей, о чем сказано будет непосредственно ниже. Особенно же веским доводом является то обстоятельство, что деление работников на два противоположных друг другу разряда, как в ремесле, так и в земледелии и при перевозке, мы находим только в гробницах областных князей, к услугам которых были не только их собственные работники, но и рабочие силы области — государственная, «местожительственная» рабочая сила.

Таким образом, за третье толкование говорит все, за исключением только того, что при нем мы несколько отступаем от чисто пространственного понимания противоположности между «Местожительством» и «внешним», являющегося как будто единственно приемлемым для двух других староегипетских примеров определения: «что от Местожительства (и) внешнего», полнее «что от Местожительства (и) что от внешнего» (на печатке у *Mr-sv^{-c}nх*). Первое и второе толкования не отклоняются от пространственного понимания, подсказываемого двумя другими примерами нашего определения, но этого одного недостаточно, чтобы склонить чашу весов на сторону первого или второго предположения. К тому же третье толкование отнюдь не отказывается от пространственного восприятия противопоставления полностью, а только расширяет его привнесением общественного содержания. Но к какому бы из трех толкований мы ни склонялись, противопоставление у *Ибий* и *Дж^св* «дома джт» «Местожительству» как частного государственного остается бесспорным и есть правильное; противоположение это становится особенно выпуклым.

Противоположности между «домом джт» и «Местожительством» отвечает другая — между «домом джт» и «царем» или «домом царя».

В гробнице царевича *X^с.ф-хв.ф-в (й)* читаем: «Смотрение на возглашение (т. е. заупокойную жертву), доставляемое из дома царя (и) из городцов его (т. е. царевича) дома джт» (ASAE XVI:261).

Здесь «дом царя» противостоит «городцам дома джт», т. е. хозяйствам «дома собственного» царевича.

Как было сказано, противопоставление друг другу двух разных по своей принадлежности родов работников наблюдается также на сельскохозяйственных изображениях, притом в гробницах князей, правивших областями в том же Среднем Египте, где княжили *Ибий* и *Дж^св*.

В гробнице князя *Вр-ир-нй* изображение жрецов в одном поясе надписано слева: «Жатва ячменя ватагами дома джт», справа: «Жатва ячменя ватагою мал(ых)»; в другом же поясе: «Жатва полбы слугами царевыми» и «Жатва ватагою мал(ых)» (RTShS:XVI). В гробнице князя *Хв-нс* над жнецами в одном и том же поясе написано слева «Жатва полбы ватагами дома джт», справа: «Жатва полбы слугами царевыми» (DAeAe).

II:CVII). Здесь, конечно, никак уж нельзя предположить, что сельскохозяйственные «слуги царевы» были присланы князьям из столицы. «Слуги царевы» появляются в староегипетских гробницах только на изображениях жатвы. В страдную пору в личном хозяйстве князя, должно быть, недоставало рабочих рук, обойтись одними ватагами дома *джст* было трудно, и князь привлекал на подмогу им рабочую силу области, которую правил,— «слуг царевых». Неясно, к сожалению, из кого состояли «ватаги мал(ых)», сопутствующие в гробнице *Br-ир-ний* как «ватагам дома *джст*», так и «слугам царевым», но не подлежит, на мой взгляд, сомнению, что «ватаги дома *джст*» и «слуги царевы» противостояли друг другу как две рабочие силы разного порядка. У *Xв-нс* они просто противопоставлены друг другу, у *Br-ир-ний* противоположность оттенена еще и тем, что как тому, так и другому роду жнецов придано по одинаковой «ватаге мал(ых)». Мне представляется, что противоположность частной рабочей силы и государственной и тем самым «дома *джст*» царю или государству выражена здесь со всею желательной определенностью.

Прямое подтверждение сделанным умозаключениям дает гробница областного князя *Дж^св*, по прозванию *Шм'й*. Над изображением мужчин, влекущих сани с надгробной сенью, написано: «Препровождение надгробной сени соединениями, что от *джст* его (т. е. князя) (и) области под рукою его» (RTDG II:VII).

Следовательно, мертвого князя обслуживают — везут в гробницу тяжелый деревянный чехол для гроба — два рода объединенных в отряды людей: соединения самого князя и соединения областные, лично ему не принадлежавшие, но состоявшие под его властью как правителя области. «Соединения, что от *джст* его», здесь прямо противопоставлены соединениям области, которая только в управлении у князя — лишь «под рукою его».

Гробница *Дж^св*, общая у него с одноименным сыном и преемником,— та самая гробница, которая вместе с соседнею с нею отца и предшественника *Ибий* содержит недвусмысленные противопоставления работающих на князя мастеров «Местожительства» его собственным работникам. Гробницы *Ибий*, *Дж^св*, *Br-ир-ний* и *Xв-нс* расположены все в Среднем Египте, следовательно, неподалеку одна от другой и принадлежат одной и той же поре — позднему Старому царству. Это делает их показания как бы взаимно дополняющимися. Но что достойно особого внимания, так это то, что четыре гробницы принадлежат правителям трех разных областей — Горы змеи (*Ибий*, *Дж^св*), Зайца (*Br-ир-ний*) и Антилопы (*Xв-нс*) — и что из всего необозримого множества староегипетских гробниц, следовательно, только в гробницах областных князей мы находим деление работников на собственных, с одной стороны, и государственных — «местожительственных», царских, областных — с другой.

Не следует ли отсюда почти с очевидностью, что двойственный состав рабочей силы у областных князей был обусловлен двойственностью их общественного положения одновременно как частных землевладельцев и как правителей своей области? К услугам князей была и их собственная и областная рабочая сила, и потому только в княжеских гробницах мы встречаем противопоставление государственных работников собственным.

Что противоположность между государственными и собственными работниками сводилась для областных князей, по существу дела, к противоположности областных, т. е. местных государственных, работников личным, особенно наглядно видно в гробнице *Дж^св* с ее противопоставлением одновременно работников «Местожительства» работникам «дома джет» и «соединений джет» соединениям области. Поскольку оба эти противопоставления сделаны в одной и той же гробнице, трудно не связать их одно с другим.

Только под углом зрения двойственности в хозяйственном положении областных князей могут быть поняты и некоторые другие их надписи, которые, не облекая в слова противопоставление государственного «дому джет» или *джет*, тем не менее явно такое противопоставление подразумевают.

Областной князь города Этбо (ныне — Эдфу) *Мрй.й-р^с-нфр*, по прозванию *Къ'р*, так рассказывает свою жизнь в гробнице подле родного города:

«Был (я) юношней, повязавшим повязку (в знак совершеннолетия), во времена (царя) *Ттй*. Доставили (меня) (царю) *Пайй*, чтобы быть образованну(?) (мне) среди детей глав (областных). Поставлен был (я) другом единственным (придворный чин), распорядителем *хнтив-и* дома большого (т. е. дворца) при (царе) *Пайй*. Дало затем величество (царя) *Мр-н-р^с* подняться (по реке) в (область) Носилки Хора (т. е. II верховую область) другом единственным, главою области, распорядителем ячменя верхового, распорядителем слуг божьих (т. е. местных жрецов), потому что горазд был (я), честен был (я) для сердца величества (его). (Когда) пришел (я?) к(?) (себе?), поставлен был (?) (я?) во владыку (?) впереди глав всех Верховья в целокупности его. Я (был) судьею Верховья в целокупности его.

Дал (я) стать откомленными быкам области этой лицом (т. е. показными представителями?) быков в хлевах (???) впереди Верховья в целокупности его. Не (есть) найденное (мною) это в руке главы, бывшего в области этой прежде, потому что бдителен был (я), потому что добродетелен был (я), (когда) управлял вещами для Местожительства.

Я был таинником (т. е. посвященным в тайны) речи всякой, доставлявшейся из двери... (чужеземных) нагорий (т. е. пограничной крепости) (и) из (чужеземных) нагорий южных (т. е. из Эфиопии).

Давал (я) хлеб (и) пиво голодному, одежду нагому, како-

го (только) находил (я) в области этой. Давал (я) крынки молока. Отмеривал (я) ячмень верховый из дома *джт* (моей) голодному, найденному (мною) в области этой. (Что) до человека всякого, найденного (мною) в области этой (с) зерновою ссудою от другого за ним, (то) я — возмешавший ее владыке (т. е. хозяину) ее из дома *джт* (моей). Я — погребавший человека всякого области этой, у которого не было сына, в одежде (т. е. пеленах) из имущества *джт* (моей).

Умиротворял (я) (чужеземные) нагорья (т. е. страны) все для Местожительства, так что благодетелен был (я) (и) бдителен был (я) по отношению к ним(?)» (UAR:253—255=ASAE XVII:136).

В приведенном жизнеописании князь говорит прежде всего о своей государственной деятельности. В середине и в конце он употребляет слово «Местожительство», в частности в середине говорит о своих заслугах перед «Местожительством» по части развития скотоводства области, но «дом *джт*» и «*джт*» названы здесь не в связи с «Местожительством». Если бы посреди рассказа о государственной деятельности князь похвалился благодеяниями, оказанными им неимущему населению подведомственной области, всякий был бы вправе подумать, что князь благодетельствовал как правитель области, как государственное лицо за счет государства. Подумать же это было тем проще, что князь, «отмеривавший» всякому голодному бедняку «ячмень верховый» и «возмешавший» за неоплатных должников ссуды заимодавцам, не только возглавлял область и ее хозяйство, но состоял как раз еще «распорядителем ячменя верхового», как сам сообщал то тут же в начале жизнеописания. Правитель, кормящий и выручающий бедных сограждан, заслуживал, конечно, похвалы, но насколько похвальнее была бы его благотворительность, если осуществлялась не из государственных средств, состоявших в его распоряжении, а за свой собственный счет! Указанием на «дом собственный» и «имущество собственное» как источник благодеяний князь устранил всякое недоразумение и мог требовать себе высших похвал. Но вместе с тем делается ясным, что «дом *джт*» и «имущество *джт*» названы здесь в противовес государственному достоянию, как противоположная ему личная собственность.

§ 4. Существо понятия *джт*

Если *джт* ни заупокойное имение, ни даже земельная собственность вообще и тем не менее служит обозначением для чего-то собственного, притом частновладельческого в противоположность государственному, значение слова уже почти передано перечисленными отрицательными и положительными определениями. Но его можно найти непосредственно и сполна выраженным самими надписями, прямо, так сказать, вычитать из них в готовом виде.

В надписях пирамид выражение «что от плоти (*джт*)» такого-то там означает «что самого» такого-то, «собственное» такого-то. И притом не только применительно к частям тела, в чем не было бы ничего удивительного, так как собственные очи, грудь или сердце кого-либо действительно «очи имярек, что от плоти его» (AP I:38), «головка (т. е. сосок) груди имярек, что от плоти его» (AP I:21), «сердце твое, что от плоти твоей» (AP I:2, два раза), но и применительно к существам и предметам, частями плоти отнюдь не являющимся:

«Принимает его Хор (или: „Принимает Хор (царя) *Нфр-к'-рс* — жив он вечно!“) на два пальца своих, очищает от (царя) *Внис* этого в пруде шакала, отрешает он (от нечистоты) двойника (царя) *Внис* этого в пруде того, что от Тэ (т. е. на стыке неба и преисподней на востоке), обметает он мясо двойника (царя) *Внис* этого, что от плоти его (т. е. что самого его, иными словами, собственного)...»

(Когда) светлеют обе земли (т. е. Египет), открывает он лицо богов (т. е. открывает их идолы), доставляет он двойника (по-египетски „двойник“ и „пища“ одинаково *к'*) (царя) *Внис* этого (или (царя) *Нфр-к'-рс*), что от плоти его, в усадьбу большую» (пирамиды царей *Внис* и *Нфр-к'-рс* *Пайи II*, AP I:193—194).

«Рэ! (Когда) утреннеешь ты в небе, утреннеешь ты для *Внис*, владыки вещи всякой. (Как) то, что от плоти твоей,— вещь всякая, (так) то, что от двойника *Внис*,— вещь всякая, (так) то, что от плоти его,— вещь всякая» (пирамида *Внис*, AP I:24), или, более по-русски:

«Рэ! (Когда) ты поднимаешься рано на небе, ты поднимаешься рано для *Внис*, владеющего всем. (Как) твоим является всё, (так) двойника *Внис* является всё, (так) его (т. е. *Внис*) является всё».

Последний пример особенно поучителен. Прежде всего, он показывает, что выражение «что от плоти» употребительно только с последующим притяжательным местоимением, но не определением-существительным: «что от плоти твоей», «что от плоти его», но «что от двойника *Внис*», не «что от плоти двойника *Внис*». И действительно, сколько примеров с *джт* ни рассмотрено в моей книге ЧСПЕСЦ, за *джт* ни разу не следовало определение-существительное: или налицо было притяжательное местоимение, или вообще не было никакого определения. Далее, из данного примера следует, что выражение «что из плоти» + притяжательное местоимение по значению своему равно выражению «что от» + имя существительное, иначе — что назначение первого выражения такое же, что и второго, и так как последнее выражает только принадлежность и ничего более, то и первое — «что от плоти» + притяжательное местоимение служит той же цели.

Отделить такие обороты пирамидных надписей, как только что приведенные, от однородных выражений в частных

гробницах, выражений, определяющих, как и пирамидные, принадлежность умершему тех или иных существ или предметов (примерами такого словаупотребления пестрят вельможеские гробницы, см. ЧСПЕСЦ), никак невозможнo. Пирамидное словоупотребление то же, что и словоупотребление частных надписей, и подсказывает нам прямо то самое значение для *джт*, к которому косвенно подводят эти надписи, если частичные их отрицательные и положительные показания соединить и сопоставить. Есть, впрочем, и частные надписи, которые так же непосредственно раскрывают содержание *джт*, как и пирамиды, стоит только хорошенько в них вникнуть. Я имею в виду прежде всего «завещание» *Вп-м-нфрт* в пользу своего рано умершего сына *Ибий*, которое сановник начертал внутри своей гробницы на стене северной поминальной каплицы, предназначавшейся первоначально для самого *Вп-м-нфрт*, но затем уступленной им вместе с северным склепом своему сыну. Подробно это «завещание» обсуждалось выше, там же переведена и надпись в целом. Напомню только место ее, непосредственно касающееся *джт*: «Дал (я) сыну (моему) старшему, уставщику *Ибий*, *джт* (мою): склеп северный с коморою северною, что для возглашения (т. е. заупокойного жертвоприношения), которые в гробнице, что от *джт* (моей), что (на царском) кладбище» (EG II: между 190 и 191).

Здесь *джт* названы склеп и поминальная каплица, и, поскольку они сохранились, мы можем в этом случае прямо-таки прощупать *джт* руками. Гробница была расположена посреди пустыни; в ней были два склепа и две поминальные каплицы; каменная толща ее составляла сами их стены, так что обособленно от этой толщи северные склеп и каплица не существовали — существовали лишь пустоты внутри ее. Потому *джт*, которым они объявлены в надписи, не могло быть ни заупокойным имением, ни земельной собственностью, ни даже недвижимостью вообще. Отец говорит просто-напросто, что отдал сыну свой склеп с коморою для поминок, т. е. лично для него предназначавшиеся северные склеп и каплицу, в своей гробнице на кладбище. Иными словами, *джт* здесь — та же самая «плоть», что и в пирамидных надписях, отнесение к которой выражает принадлежность, и эта принадлежность, поскольку речь идет о северных склепе и каплице, есть принадлежность не владения, а назначения. Конечно, владение подразумевается, так как вся гробница в целом принадлежит *Вп-м-нфрт*, но выражено первым *джт* не оно.

Ту же принадлежность по назначению или использованию выражает *джт* и в надписях на входах в жилища служащих при заупокойном храме царицы *Вджбтн*. Хозяева житниц изображают и называют себя и своих близких на косяках дверей, и под надписанным изображением каждого из хозяев неизменно стоит: «Жилище (рвт), что от *джт* его» (UAR:272—274 = РОи:22). При этом на одной и той же двери упоминаются

два жилища — двух разных хозяев: одно — на левом, другое — на правом косяке, по бокам входа, ведшего в такое двойное жилище. Это значит, что жилища здесь были не обособленными домами, построенными для себя самими обитателями, а местами совместного проживания, однообразно выстроенными для служащих владыками заупокойного храма из расчета на две семьи каждое. Здесь нельзя говорить о собственных домах, можно говорить лишь о собственных, т. е. *личных*, жилищах внутри казенного общежития, на них разбитого. Иначе, *джт* тут явно не означает ни земельной собственности, ни недвижимости вообще, а является «плотью», отнесением к которой выражена принадлежность жилища в порядке *пользования* лично ее обладателю. Подробнее см. в § 2.

На грани между принадлежностью в смысле «пользования» или назначения и принадлежностью в смысле «владения» стоит словоупотребление одного из царских указов конца Старого царства на имя правителя *Шм'й*. В указе этом, начертанном на стене храма Мина в Кэбто, говорится об обеспечении поминальной службы по сановнику в личных его поминальных каплицах внутри городского храма. Эти каплицы именуются «двором двойника, что от *джт* твоей», «двором двойника верхнего, что от *джт* твоей» (UAR:302—303). *Джт* никак не могло означать здесь «земельная собственность» или «недвижимость», потому что не могла быть «двором двойника, что от земельной собственности (или „недвижимости“) твоей», расположенная на храмовой земле внутри городского храма поминальная каплица частного лица. *Джт* было «плотью», и отнесение к «плоти» сановника его поминальной каплицы выражало посвящение ее лично ему, заупокойной службе лично по нему.

Таким образом, мы и в случае *джт* частных надписей находим такие ее употребления, которые не служат непосредственно для выражения отношений собственности, а ограничиваются указанием принадлежности *более общего порядка в смысле назначения, пользования, посвящения*, т. е. указанием связи лично с тем или иным человеком.

Очень важно, что один из оборотов пирамидных надписей в точности повторяется в частных гробницах, причем эти случаи неотделимы от остальных употреблений нашего. В пирамиде *Внейс* сказано: «Ра-Атум, пришел к тебе сын твой, пришел к тебе *Внейс*. Возвéл ты его, окружил ты его объятиями твоими. Сын твой это, что от джт твоей, навечно» (AP I:89—90). «Атум. возвел ты *Внейс* этого, окружил ты его объятиями твоими. Сын твой это, что от джт твоей, навечно» (AP I:122).

В гробнице *X^c.ф-р^c-нх* позади хозяина изображен «брата его, что от джт его, друг дома большого (т. е. дворца; важный придворный чин) *Итти»* (DAeAe II:IX).

В гробнице *'х-мрvt-ny-сwt* перед ним представлен «брата его, что от джт его, распорядитель дома... к'» (GAR:LXIX).

Строение, состав и порядок слов в подчеркнутых выражениях в пирамидах и гробницах одинаковы: степень родства с притяжательным местоимением, затем прилагательное принадлежности («что от»), наконец, *джст* с притяжательным местоимением. Правописание *джст* во всех четырех случаях одинаково обходится без знака земли: пирамида и *X^c.ф-р^c-снх* пишут только змею и хлеб, 'х-мрвт-ни-свт ограничивается даже одною змеею.

§ 5. *джст* как обозначение отдельных лиц

Изложенное в § 1—4 касается прямым образом основного вопроса данного исследования: кто работал на староегипетских вельмож?

Если изучаемое нами *джст* по коренному своему значению не что иное, как «плоть», то большинство случаев общественно осмысленного употребления этого слова не вызывает никаких вопросов. В моей книге ЧСПЕСЦ собраны многочисленные примеры определения «что от плоти» (*ни-джст*), приложенного в смысле «собинный, собственный» к разного рода обозначениям существ и предметов: людей (с. 17—43), животных (с. 43—44), селений (с. 44—48), угодий (с. 44), сооружений (с. 44—56, 98—103), имущества вообще (с. 56—57) и в сочетании «дом *джст*» — «дома» или хозяйства в целом (с. 81—96). Во всех этих случаях отнесение к «плоти» выражало принадлежность. Однако из приложения подобного определения к людям еще не следовало, что их принадлежность была принадлежностью рабскою. «Собинные» чиновные управители селений (с. 40, см. § 15—16), писцы (с. 40), заупокойные жрецы (с. 38—40; о них см. § 12) или родственники покойного (с. 17—38) рабами не были. Но как быть, когда слово *джст* «плоть» или словосочетание *ни-джст* «кто от плоти» употреблены не как определения к другим словам, а как звание того или иного человека?

В. В. Струве было предложено для подобного *джст* значение «тело» в смысле «раб» в духе греческого *сома*, имеющего и то и другое значение⁸. Абд эль-Мохсен Бакир, ссылаясь на словарь, по которому *ни-джст* такого-то значит «что от тела» такого-то и может означать «собственный» такого-то, полагал, что обозначение людей как *джст* или *ни-джст* происходит от слова *джст* «тело», откуда и значение «собственный»⁹. По мнению ученого, звание *джст* обозначало «тело» в человеческом образе, т. е. человека как вещи, а звание *ни-джст.ф*, известное исследователю по надписям Среднего царства, значило «принадлежащий к его телу», иначе — «его собственный человек» — и обозначало чью-то вещь в человеческом образе, т. е. раба¹⁰. Так

⁸ Струве В. В. Проблема зарождения, развития и разложения рабовладельческих обществ древнего Востока. — ИГАИМК. 1934, вып. 77, с. 67.

⁹ Erman A., Grapow H. Wörterbuch, Bd. 5, с. 504.

¹⁰ Abd el-Mohsen Bakir. Slavery in Pharaonic Egypt. Le Caire, 1952 (Supplément aux Annales du Service des antiquités de l'Égypte. Cahier № 18), с. 35—38.

что же, звания «плоть» и «кто от плоти» действительно значили «раб»?

Слово *джт* употребляется самостоятельно вне состава определений много реже, чем в их составе. Почти всегда такое самостоятельное *джт* служит для обозначения отдельного человека и выражает определенного рода отношение его к лицу, стоящему выше его по своему общественному положению. Можно различить три способа обозначения:

1) титло высокопоставленного лица + *джт* с относящимся к тому лицу притяжательным местоимением + титло самого обозначаемого;

2) титло высокопоставленного лица + *джт* без притяжательного местоимения + титло самого обозначаемого;

3) *джт* (случаев с притяжательным местоимением я не знаю) + титло или одно имя самого обозначаемого.

Первые два способа отличаются друг от друга присутствием или отсутствием притяжательного местоимения после *джт*. В остальном они тождественны и как трехчленные противостоят вместе двучленному третьему. С внешней стороны различие между ними и им кажется значительным, но по существу оно не так велико. Высокопоставленное лицо и при обозначении по третьему способу бывало так или иначе известно, и титло его просто подразумевалось перед *джт*. Не слишком многочисленные, но и отнюдь не малочисленные примеры расположены ниже в последовательности указанных трех способов обозначения.

№ 1. На притолоке над входом в одно из жилищ служащих при заупокойном храме царицы *Вджбтн*, жены *Нфр-к'-рс* *Пий II*, стоит после имени его пирамиды, при которой была погребена царица, ее титло: «(Пирамида) „Устойчив (и) жив. *Нфр-к'-рс*“. Повелительница, жена царя, возлюбленная его, великая... *Вджбтн*» (UAR:272=POu:22). На левом косяке, в продолжение надписи на притолоке, читаем: «*Джт* ее, наставник слуг божьих (т. е. жрецов), кто над вещью бога..., кто в чести у госпожи своей, *Хъм-снх*; имя его доброе (т. е. дружеское) *Хъмий*; сын его, возлюбленный его, наставник слуг божьих *Икърий*; жилище, что от *джт* его (следовательно, от плоти его, т. е. собственное его)» (UAR:273=POu:22). Перед нами надписание постройки, и «понимать» его надо с конца: жилище такого-то, чей сын такой-то и кто является *джт* царицы такой-то.

№ 2. Однородное надписание украшало вход в другое жилище при храме, но уцелела на притолоке одна последняя буква имени царицы (*н*) с последующим ее изображением, как и в предшествующей надписи, а на левом косяке — только «*джт* ее — — —» (UAR:272=POu:22).

№ 3. В гробнице *Ир.н-рс* на притолоке одной из ложных дверей умерший обозначен так: «*К'-н-н(и)-свт* — *джт* его, распорядитель слуг двойника *Ир.н-рс*» (G III:159). На косяке той

же ложной двери он величается: «Кто при вещи царя *K'-н(й)-н(й)-свт* — сын его *Ир.н-рс*, что в чести» (там же).

По своему составу и строению эта чета надписей живо напоминает надпись, приведенную выше первою, с тою разницей, что отношение *джет* и сыновство там объединены были воедино, а здесь распределены по двум самостоятельным титлам. Тем самым данный там перевод находит себе убедительное подтверждение. Смысл же надписей *Ир.н-рс* совершенно ясен, так как, построенные по одному образцу, они поясняют друг друга:

K'-н(й)-н(й)-свт — *джет* его такой-то,

K'-н(й)-н(й)-свт — сын его такой-то,

т. е. *джет K'-н(й)-н(й)-свт* такой-то и сын *K'-н(й)-н(й)-свт* такой-то.

Хозяин гробницы был, таким образом, одновременно *джет* и сыном приставленника вещи царевы *K'-н(й)-н(й)-свт*, большого сановника, чья богато отделанная гробница сохранилась по соседству. *Ир.н-рс* сам был придворным, «чистителем царевым», и не только распорядителем заупокойных жрецов, надо думать, своего родителя, но и «наставником (жрецов) слуг божьих». Гробницу «створил ему сын его старший *Pс-м-снх*», так что семья оставалась зажиточной и в третьем поколении после сановного деда.

№ 4. На притолоке *Птхъ-нб-нфрт*, найденной лежащей поверху сильно разрушенной скромной гробницы, принадлежность к которой не может быть доказана, стоит следующая трехстрочная надпись:

(1) «Да будет мирен (и) даст царь, да будет мирен (и) даст Усира возглашение (т. е. заупокойную жертву) ему, (тому, кто) княз(я) исправи(ого), распорядител(я) работ всех царя *Mхъй джет* его,

(2) кто в чести у него, *Птхъ-нб-нфрт*. Распорядитель дома, писец житницы, писец дома белого (т. е. хранилища ценных припасов и изделий), писец череды, *джет* его *Птхъ-нб-нфрт*

(3) — да будет мирен (и) даст царь, да будет мирен (и) даст Ануп — — ? — — , предстоятель чертога божьего, кто на горе своей, владыка земли святой, чтобы дано было ходить ему по дорогам добрым запада (и) возглашалось (т. е. приносилась заупокойная жертва) ему» (G VI:226).

Второе титло *Птхъ-нб-нфрт*, начинающееся посреди 2-й строки и тянущееся затем до ее конца, заключительным знаком своим, сопроводительным знаком сидящего старика к имени умершего, уходит в конец 3-й строки, так что может не только по сути дела, но и со стороны написания считаться концовкою ко второму заклинанию. Итак, смысл первой части надписи будет примерно таков: пусть будет предоставлена заупокойная жертва *Птхъ-нб-нфрт*, являющемуся *джет* высокопоставленного сановника *Mхъй*. Смысл второй надписи можно будет передать так: пусть будут предоставлены такие же посмертные блага такому-то должностному лицу, являющемуся *джет* его, т. е. на-

званного выше высокопоставленного сановника, *Птхъ-нб-нфрт*.

№ 5. На обломке ложной двери *Шпс-н-пtxъ* умерший обозначен так: «Повелитель-князь, привратный (т. е. сидящий у правительственные врат) судья, правитель (так называемый „везир“) *Птхъ-хѣтп*; *джт* его, слуга двойника, (тот), кто в чести у бога большого, старейшина чертога (пирамиды) „Добр. *Джд-к'-рс*“ *Шпс-н-пtxъ*» (ASAE XL : LX).

Смыл надписи: *джт* верховного судьи и верховного сановника *Птхъ-хѣтп*, заупокойный жрец, чиновное лицо при царской пирамиде *Шпс-н-пtxъ*.

№ 6. На камне с завещанием *Чнти* читаем: «Мать царя *Хѣтп-хѣр.с* — *джт* (таковой), слуга двойника (т. е. заупокойный жрец) *Чнти* — дочь его, слу(жанка) двойника (т. е. заупокойная жрица) *Ппй* — сказыва(ет): „(Что) до детей этих, данных (мн)е отцом (моим) этим по завещанию, не даю (я) быть властными людям всем в них: раб двойника — — — (следует поврежденный перечень имен)“» (UAR:35=AIKMB:28).

Начало надписи можно было бы перевести и так: «*Джт* матери царя *Хѣтп-хѣр.с* — слуга двойника *Чнти*», сочтя титло царевой матери определением к *джт*, почтительно вынесенным вперед только в написании, но не в произношении, однако предыдущие примеры, где за титлом высокопоставленного лица следовало не простое *джт*, а *джт* с притяжательным местоимением, заставляют сомневаться в правильности такого перевода. Смыл вступления при том и другом переводе остается одним и тем же: царской матери *Хѣтп-хѣр.с* *джт* и заупокойного жреца *Чнти* дочь, заупокойная жрица *Ппй* говорят.

№ 7. Особенno богата данными по занимающему нас вопросу гробница *Мр-св-снх*, знакомящая нас не только с имущественным и общественным положением состоятельного *джт*, но также с его происхождением и взаимоотношениями с высокопоставленным хозяином. Эта гробница примыкает непосредственно к пышной усыпальнице одного из ближайших сановников царя — его «друга» *Рс-вр* (усыпальница издана EG I; любопытная надпись жизнеописательного порядка также UAR:232). Перед громадою вельможеской усыпальницы скромная гробница *Мр-св-снх*, конечно, совершенно теряется, но саму по себе ее никак нельзя назвать бедной. У нее глубокие склепы (один глубиною до 7,40 м), представительная надстройка над ними ($5,45 \times 3,45$ м площадью), представительная каплица с полом, высеченным в скале, и хорошо сложенными из камня стенами, с богато отделанным входом и двумя ложными дверями. В гробнице было найдено несколько изваяний умершего и его родни. Некоторые из них являются его в обличье настоящего вельможи с сановной накладной прической до плеч. В ней же щеголяет он и на настенных изображениях, и на них бывает не только треугольный выступ на переднике, отличающий, как известно, начальственных лиц, но и лопатообразный жезл в руке, как у большого барина. Надо думать, что у *Мр-св-снх* бы-

ло значительное личное хозяйство с некоторым количеством слуг, так как в гробнице оказалось каменное изваяние работницы, занятой пивоварением,— одно из обычных изображений слуг, долженствовавших служить хозяину и после смерти.

На одной из ложных дверей, посвященных поминовению матери умершего, читаем дважды титло ее, из которого явствует, что *Мр-св-снх* был из чиновной семьи, а также заявление его о себе как соорудителе этой «двери», подтверждающее письменно свидетельство вещественных памятников о его зажиточности:

«Распорядитель отроков Местожительства (царского) *Мр-св-снх*; мать его, распорядительница дома ткачих *Рвдж-з'в.с*» (EG I:112=LXIX 1).

«Распорядительница дома ткачих Местожительства (царского), что в чести у бога большого, *Рвдж-з'в.с*». «Это сын ее — сотворивший ей, распорядитель отроков Местожительства (царского), добный (молодец) *Мр-св-снх*» (EG I:112).

Некоторые титла умершего особенно содержательны: «Друг (царев) *Рс-вр* — джт (такового), распорядитель отроков Местожительства (царского), распорядитель имущества его всего, что от Местожительства и что снаружи, *Мр-св-снх*».

«Друг (царев) *Рс-вр* — я тот, кто в чести у него супротив человека его всякого; честимый это у бога, кто в чести (у) владыки своего; ни разу не сотворил (я) вещи (т. е. чего-либо) против человека всякого» (EG I:109=LXVIII 3=UAR:234).

Две последние сопоставленные надписи снова доказывают, что титло высокопоставленного лица не только писалось, но и почтительно читалось перед джт по смыслу, будучи предвосхищенным определением к нему. Поскольку в «Друг *Рс-вр* — я тот, кто в чести у него» «друг *Рс-вр*» никак нельзя перенести назад, так как там место уже занято относящимся к нему притяжательным местоимением («у него»), недопустимо и в первой надписи переносить «друга *Рс-вр*» за джт. Ведь оба «друг *Рс-вр*» расположены зеркально относительно друг друга в начале двух отдельных строк на левом и правом косяках ложной двери и потому должны были восприниматься одинаково.

Кроме званий, заключенных в приведенных титлах, *Мр-св-снх* имел также чин «наставника слуг двойника», т. е. второстепенного, хотя и не низшего надзирателя заупокойных жрецов (например, EG I:107—110=LXVIII—LXIX). Любопытно и одно из обозначений его на жертвеннике: «Постоянно любимый владыкой своим, юноша добрый *Мр-св-снх*» (EG I:110=LXVIII 2).

№ 8. С тем же сановником *Рс-вр* связан и другой джт, по имени *К'-хр-н(й)-свт*, оставивший на том же кладбище еще более внушительный памятник — каменную гробницу протяжением более чем полтора десятка метров. Перед изображением по-вельможному восседающего с посохом в руках хозяина помещена трехстрочная надпись:

(1) «Да будет мирен (и) даст царь, да будет мирен (и)

даст Ануп, предстоятель чертога божьего, чтобы погребен был он на (месте), что под богом (т. е. на кладбище, у подножия пирамиды царя), состарившись добре весьма, (у?) бога большого,

(2) и возглашение (т. е. заупокойную жертву) (дня-)отверзателя года (т. е. Нового года), Тховтова (праздника), первого (дня) года, (праздника) *B'g*, праздника всякого, новомессячья, полумессячья, повседневно;

(3) (жрец) сетом, руководитель (облачающихся в опоясание) шенто, друг (царев) единственный *Pc-вр* — *джст* (таково-го), слуга двойника (т. е. заупокойный жрец), творец ногтей (т. е. ухаживающий за ногтями) *K'-хр-н(й)-свт»* (EG II:67 = XXI 1).

Саму по себе третью строку можно было бы перевести иначе, если б было возможно считать, что титло было написано спереди только из почтения к высокому сану, но на самом деле читалось после *джст*: «*джст* сетома, руководителя (облачающихся в опоясание) шенто, друга единственного *Pc-вр*, слуга двойника, творец ногтей *K'-хр-н(й)-свт»*, однако предшествующие примеры не благоприятствуют такому чтению.

«Друг единственный» *Pc-вр* на положении покровителя *джст* не оставит нас и в дальнейшем, и мы еще встретимся с ним в гробнице одноименного придворного учителя пения. Но раньше, оставаясь верными раз принятому порядку, мы должны будем рассмотреть ряд памятников, связанных с именем другого вельможи — «распорядителя дома белого», т. е. хранилища съедобных и несъедобных ценностей, *Ир.н-вр*. Эти памятники — четыре каменных изваяния из его гробницы, и изображают они людей, обязанных служить ему после смерти.

№ 9. До сих пор мы знакомились с *джст*, служившими заупокойными жрецами, по их собственным памятникам; изваяние заупокойного жреца *K'-м-къд* из гробницы *Ир.н-вр* показывает нам такого *джст* не под его собственным углом зрения в облике чиновного барина, а под углом зрения хозяина, в потребном для хозяина положении. Изваяние изображает мужчину, стоящего на коленях, как то делали при совершении определенных обрядов служащие при загробной трапезе. Что изображен человек с известным положением в обществе, видно по разукрашенному его переднику и длинной прическе, а также по изысканной работе: в противоположность последующим трем у этого изваяния вставные глаза из белого и черного камня с веками из какой-то руды (меди?). Надпись на изваянии гласит: «Распорядитель дома белого *Ир.н-вр* — *джст* (таково-го), слуга двойника *K'-м-къд* (SSKPMK:91-XXVI-ZASA XXXV: 119).

№ 10. Все *джст*, с которыми мы пока что встречались, были людьми, отнюдь не стоявшими на нижних ступенях общественной лестницы. Три женщины *джст*, с которыми нам теперь предстоит познакомиться, принадлежали к народным низам.

Первая из них изваяна в согнутом положении, с руками, опущенными в сито, положенное поверх чана. Эта женщина занята пивоварением. Перед работницей надпись: «Распорядитель дома белого *Ир.н-вр* — джст (такового) *Вхъм-нфрт*» (SSKPMK: 91=XXVI=MAE:234).

№ 11. Вторая женщина стоит на коленях и вручную верхним жерновом на нижнем растирает (мелет) зерно. Изваяние надписано: «Распорядитель дома белого *Ир.н-вр* — джст (такового) *Итй*» (SSKPMK:86=ZASA XXXV:122=MAE:233).

№ 12. Третье изваяние изображает женщину, занятую той же тяжелой работой. Надпись гласит: «Распорядитель дома белого *Ир.н-вр* — джст (такового) *Иш^ст*» (SSKPMK:89=ZASA XXXV:122=MAE:234).

И в этих трех надписях можно было б читать титло хозяина как определение после *джст* (*джст* распорядителя дома белого *Ир.н-вр* такой-то или такая-то), если б только не мешали тому те примеры, где налицо притяжательное местоимение у *джст* или иные признаки, доказывающие, что хозяйское титло было почтительно вынесено вперед не только в письме, но и в самой речи.

До сих пор во всех примерах *джст* предварялось титлом высокопоставленного хозяина или покровителя. Теперь пойдут такие *джст*, перед которыми хозяйское титло не названо, хотя и подразумевается молчаливо, как предположительно известное.

№ 13. Вельможа *P^с-вр*, с которым как с господином *джст* нам уже доводилось встречаться, не оставляет нас и тут. В гробнице его тезки, учителя певцов царя *P^с-вр*, величающего себя также «распорядителем полотна» и «слугой двойника», на одной из ложных дверей имеется надпись: «Джст, распорядитель полотна, слуга двойника *P^с-вр*» (EG I:68).

Гробница сравнительно небольшая (площадь надземной надстройки 3,45×2,25 м), но имеет несколько врубленных в скалу склепов — в одном из них оказался представительный гроб — и несколько ложных дверей, отделанных надписями и изображениями почившего. Гробница расположена около громадной усыпальницы «единственного друга *P^с-вр*», и, так как последний уже известен нам как господин двух *джст*, погребенных подле него в собственных гробницах, не может быть сомнения, что и одноименный с ним «распорядитель полотна» и «слуга двойника» *P^с-вр* был *джст* по отношению к своему вельможному тезке, у которого, вероятно, и заведовал бельем и отправлял заупокойную службу.

№ 14. В отличие от придворного учителя пения два следующих *джст* — люди совсем не чиновные. На обломке стены из гробницы *Tn-м-снх* изображены столяры за работою. У двух из них приписаны звание («топорщик», т. е. ремесленник, работающий топором: плотник, столяр, даже каменотес) и имя; у третьего, отделявшего ложе (узелела только одна кисть руки), званию (имя отбито) предпослано еще слово *джст*:

«Джст, топорщик [имярек]» (RME:XII). Поскольку изображение помещалось на гробничной стене, у читавшего надпись не могло быть сомнения, что *джст* перед именем третьего топорщика выражало его отношение к хозяину гробницы.

№ 15. В гробнице *Tn-m-snx* II, откуда, быть может, и предыдущий обломок, в нижнем поясе стены, где изображено подношение жертвенных быков умершему, представлен также служитель, ведущий антилопу, и это надписано так: «Взятие (т. е. привод) тысячи молодняка, антилоп белых»; «*джст Нфр-хър*» (МАЕ:199).

Слова «*джст Нфр-хър*» составляют особую отвесную строку, и, если издание точно — а оно часто грешит против точности, — эту строку нельзя понять иначе. Поскольку изображение и надпись находились на стене гробницы, всякому было ясно, если правильно наше чтение, что *Нфр-хър* был *джст* ее хозяина.

Что же значило *джст*, употребленное как звание перед именем того или иного лица? *Совершенно ясно, что «раб» или «крепостной» это слово не значило*. Подневольными людьми могли быть мельничихи (№ 11 и 12) и пивоварка (№ 10), столяр (№ 14) и поводырь (№ 15), но уже заупокойного жреца (№ 9), судя по тому, что известно о таковых (см. § 12), мы не вправе к ним причислить, как бы ни предрасполагало к тому одинаковое назначение его изваяния и изваяний работниц, в чьем обществе он в силу того оказался. К тому же его барские волосы, богатый передник и дорогие тройного состава глаза, каких нет у его случайных подруг, ясно свидетельствуют, что «слуга двойника» в жизни не был товарищем трех работниц.

Относительно других двух заупокойных жрецов, рядовых «слуг двойника» (№ 6, 8), всякое сомнение в принадлежности их к «свободному» населению исключено заранее самими их памятниками. Один (№ 8) «слуга двойника» и знаток ухода за ногтями известен нам по великолепной надписи на каменной притолоке его гробницы, другой — «слуга двойника» царевой матери — мог завещать своей дочери, тоже «служанке двойника», безусловное право распоряжаться его детьми, исключавшее всякое посягательство на них со стороны, чего «несвободный» завещать не мог бы.

Остальные *джст* уже просто чиновные люди. Сами звания их ясно говорят об этом: «наставитель слуг божьих» (т. е. надзиратель за жрецами) (№ 1), «распорядитель слуг двойника» (т. е. начальник заупокойных жрецов) (№ 3), «наставник слуг двойника» (т. е. надзиратель за заупокойными жрецами) (№ 7), «распорядитель отроков Местожительства» (по-видимому, начальник над молодым воинством столицы¹¹⁾) (№ 7), «писец житницы, писец дома белого» (т. е. хранилища съедобных и несъедобных ценностей) (№ 4), «писец череды» (№ 4),

¹¹⁾ Junker H. Giza V. Wien und Leipzig, 1941 (DAWW. Bd. 71, Abh. 2), c. 159.

«старейшина чертога» пирамиды (№ 5), «учитель певцов царя» (№ 13) и т. д. Вещественные остатки жилищ и гробниц этих джет вполне подходят к их начальственным титлам: каменные наличники домовых дверей, украшенные надписями и изображениями (№ 1—2), каменные надписанные гробничные притолочки (№ 3, 4, 5), представительные гробницы с несколькими врублеными в скалу склепами, каменными надстройками над ними, несколькими ложными дверями, покрытыми превосходными надписями и изображениями, с барскою погребальною обстановкою (№ 7, 13, особенно первая из них). Одна гробница (№ 7) содержала даже вещественное косвенное доказательство — в виде изваяния работницы — использования такими джет подневольного труда. Если многие должности наших джет могли принадлежать им на частной службе у цариц и вельмож (см. ниже), то некоторые звания указывают на состояние одновременно и на государственной службе: «учитель певцов царя» (№ 13), «распорядитель отроков Местожительства (т. е. столицы)» (№ 7). В двух или трех случаях возможно также установить происхождение чиновного джет от чиновных же, раз даже знатных родителей. Мать одного из джет (№ 7) была начальницей ткацкой мастерской столицы, отец другого (№ 3) — настоящим царедворцем, если только не родственником царского дома, третий (№ 1) происходил, возможно, из рода потомственных «наставников» жрецов.

Следовательно, джет не есть обозначение для подневольных людей, и ходячий перевод этого слова несостоятелен. Тем самым отпадает и всякая возможность сопоставления джет «плоть» в приложении к людям с греческим словоупотреблением: *сōма* «тело» = «раб». Но, может быть, правильно тогда то толкование, которое видит в занимающем нас сейчас джет совсем не звание, а некое обозначение для заупокойного имения? Согласно такому пониманию, титла, сложенные по нашим первому и второму способам (значит, как № 1—12), следует понимать двояким образом — то: такой-то служащий заупокойного имения такого-то высокопоставленного лица, то: такого-то высокопоставленного лица его заупокойного имения служащий такой-то. Слабость подобного истолкования заметна даже при чисто внешнем к нему подходе. Титла, сочиненные по первому и второму способам, построены явно одинаково. Вся разница между ними в притяжательном местоимении, употребительном в одних после джет и опускаемом в других. Но и независимо от сходства в построении на одном примере (№ 7) могло быть показано, что титло высокопоставленного лица читалось на первом месте также при пропуске местоимения. Если в титлах, составленных по второму способу, причудливая перестановка еще могла бы быть как-то объяснена, хотя и ни в коей мере не убедительно, чтением с конца, то в титлах первого способа помещению «джет его» перед званием или именем лица, принадлежащего к «заупокойному имению», не подыскать иного

оправдания, как только желание, чтобы притяжательное местоимение следовало как можно ближе за высокопоставленным лицом, к которому относилось. Но и такие надуманные объяснения, разные для одинаковых явлений и потому заранее подозрительные, не помогут понять постоянное вынесение *джт* вперед (перед званием и именем служащего) в титлах, сложенных по третьему способу (№ 13—15), так как тут нет титла высокопоставленного лица спереди, из почтения к которому только и могла быть понята предполагаемая перестановка слов в письме.

Но если перевод с *джт* как «заупокойным имением» оказывается неправдоподобным даже с внешней стороны, под углом зрения строения данных выражений, то есть и основания для отклонения его из-за невозможности считать *джт* определением к последующим за ним званиям.

В гробнице *Мр-св-нх* (№ 7) титло с *джт* выглядело так: «Друг *Рс-вр* — *джт*, распорядитель отроков Местожительства, распорядитель имущества его всего, что от Местожительства и что снаружи, *Мр-св-нх*» (EG I:109 = LXVIII 3).

Совершенно достоверно, что *джт* не может быть определением ни к первому, ни ко второму званию умершего. Не может быть *джт* и определением к отстоящему далеко от него имени *Мр-св-нх*, потому что притяжательное местоимение после «имущества» предполагает «друга *Рс-вр*» уже упомянутым. Остается объявить предполагаемое «имение друга *Рс-вр*» почтительно названным впереди определением по смыслу, независимым выражением, намекающим на связь названного затем лица с каким-то вельможеским именем. Однако и последнему предположению не спасти *джт* как «имение» перед лицом той простой истины, что в титлах, составленных по третьему способу, предполагаемый владелец имения, вельможа, не назван, и в начале титла оказывается одно голое *джт*!

Но, может быть, *джт* обозначает совладельца земельной собственности или заупокойного имения вельможи, на тех или иных условиях или безусловно получившего от последнего право пользования его землею или хотя бы доходами? В случае занимающих нас сейчас *джт* те из них, кто были людьми чиновными или заупокойными жрецами, еще могли бы сойти за условных совладельцев или соучастников вельможи, но как поверить, что таковыми были его подневольные люди — мельничихи (№ 11—12) и пивоварки (№ 10), столяры (№ 14) и скотники (№ 15)?

Не поможет и предположение, не обозначало ли наше *джт* всякого, кто каким бы то ни было образом принадлежал к имению. Какой, в самом деле, смысл мог быть в обозначении, одинаково определявшем совладельца имения и подневольного в нем работника по тому признаку, что оба к нему относились, были «именниками»?

После бесплодных попыток разгадать загадку на основании

недоказуемого слова *джт* «имение» вернемся к прошлому нашему способу толкования, отправляющемуся от несомненного слова *джт* «плоть» и оправдавшему себя применительно к *джт* в определениях.

Прежде всего уместно будет спросить: как на самом деле звучало изучаемое нами обозначение? Ответ могут подсказать три памятника, на которых занимающее нас звание имеет букву *и* спереди (№ 16, 17, 18).

№ 16. На обломке гробницы некоего *Птхъ-м-* — — — над несколькими повторными изображениями умершего уцелела часть строки, в которой читаем: «— — — [распорядитель работ всех] царя, распорядитель писцов грамот царя *Снджм-йб* — (тот), кто от *джт* [его], писец череды *Птхъ-[м]-* — — —» (G VIII:155 + DAeAeT:62).

От занимающего нас обозначения новейший издатель заметил только волнистую воду *и(й)* «что от» и змею *дж*, но он уже указал, что в воспроизведении этого места в издании столетней давности под змеею показана между двумя пробелами подотвесная черта, которая и должна быть знаком земли. В пробеле над чертой новейший издатель восстанавливает хлеб *т*; от себя могу добавить, что в пробеле под нею могла быть ушастая змея *ф* «его». Смысл надписи, несомненно, таков: писец череды *Птхъ-м-* — — —, принадлежащий к *джт* высоко-поставленного сановника *Снджм-йб*.

№ 17. На столбе в гробнице *Хнв* подле пирамиды царя *Внис* значится: «Хор, зеленеющий (т. е. процветающий в рассуждении) обеих земель (т. е. Верхнего и Нижнего Египта), *Внис*, царь (и) государь, зеленеющий в обеих владычцах (т. е. как сопричастник обеих — верхнеегипетской и нижнеегипетской — государственных богинь), Хор золота зеленеющий — (тот), кто от *джт* его, (пирамиды) „Добр местами *Внис*“, (должностное лицо) *хнт(й)-ш*, слуга двойника (т. е. заупокойный жрец), друг (царя) единственный (высокий придворный сан), (жрец-)уставщик *Хнв*» (NAWG 1956, № 4:III=PM:LXIII) и на соседней грани: «Хор, зеленеющий (в рассуждении) обеих земель, [ца]рь (и) [госуда]рь, зеленеющий в обеих владычцах, Хор золота, (пирамида) „Добр местами *Внис*“, (тот), кто от *джт* его, *хнт(й)-ш* слуга двойника его, друг единственный, уставщик *Хнв*» (PM:LXIII).

Смысл надписи, очевидно, такой: тот, кто от *джт* царя *Внис* как состоящий при его пирамиде, сановник такой-то. «Кто от *джт* его» написано с определителем «земли», на редкость коротким в первой надписи по сравнению с подписаным под ним знаком змеи *ф* (*и(й)*, *дж*, *т*, «земля», *ф*).

№ 18. В гробнице *Хънв*, *Бйв* и *Ппй* во главе несущих заупокойные приношения для *Бйв* идет «(тот), кто от *джт* его, писец *Вхъ-й*» (TRCPRII:100), а в толпе несущих такие приношения для *Ппй* идут «(тот), кто от *джт* его, наставник слуг двойника (т. е. заупокойных жрецов) — — — *ний*», «(тот), кто от *джт*

его, распорядитель слуг двойника *Хъб-снй* и «(тот), кто от джт его, *Хъ'й* (ТРСРП:101). «Кто от джт» написано во всех трех случаях одинаково и без каких-либо определителей после джт (*н(й), дж, т. ф.*).

Таким образом, если основываться на пяти написаниях и в свете их расценивать два других, надо будет читать наше обозначение не джт, а *н-джт*. В любом отношении это можно только приветствовать, так как женское джт как обозначение мужчин выглядит совсем не хорошо, а мыслимое производное от него мужское джт(*й*) не годится для женщин (№ 10, 11, 12), где надо было бы тогда ожидать написание джт, не с одним, а с двумя хлебами т. Написание *н-джт* естественно было бы читать *н(й)-джт* «кто от джт», прилагательное принадлежности *ний* + существительное джт. Тем самым разбираемое наим обозначение было бы не чем иным, как хорошо известным нам сочетанием, только употребленным теперь не как определение, а как самостоятельное обозначение наподобие звания.

Чтение *ний-джт* «кто от джт», следовательно, «кто от плоти» давало бы для этого обозначения смысл «собинный», «собственный». Если бы такое чтение было неверно, можно было бы предположить употребление слова «плоть/самость» в расширенном смысле, распространяющим плоть/самость на все, к ней принадлежащее, на все, охваченное ею. В таком употреблении джт было бы примерно равноценно «собственности», применительно к людям — тому же «собственный/собственная». Но я не думаю, чтобы возможность второго истолкования стоило действительно брать в расчет, так как написание у *Птхъ-м— — —, Хнв и Хънв, Бйв, Ппй* определенно говорит в пользу чтения *ний-джт*.

Законно будет, однако, спросить, как звучало при таком чтении наше обозначение применительно к женщинам. Ведь *ний-джт* значит «принадлежащий к джт», прилагательное принадлежности здесь мужского рода, применительно к женщинам надо было бы ожидать его в женском роде, вместо мужского *ний* уместно было бы женское *нйт*. При наличных данных сказать тут что-нибудь определенное невозможно. Во всех пяти случаях, когда *н* выписано перед джт, обозначаемым является мужчина; там же, где обозначение приложено к женщинам (№ 10, 11, 12), налицо написание без какого-либо *н*. Отвлеченно говоря, мыслимо было бы сосуществование двух написаний женской разновидности нашего обозначения с выписанным и невыписаным т после *н(й)*: *н(й)т-джт* и *н(йт)-джт*. За примерами такого колебания в правописании сложных слов недалеко ходить. Хорошим образцом может служить звание *йм(й)т-р'* «распорядительница» (досл. «та, кто в устах (подчиненных)»). Первая часть здесь является таким же производным от предлога *м* прилагательным, как наше *н(й)т* от предлога *н*. В этом звании *ймйт* «та, кто в» пишется то с выписанным, то

с опущенным *t*, так что как обозначение женщин мы находим то *им(ы)т-р'*, то *им(ы)-р'*. При известных к тому побуждениях со стороны начертания такое *t* может даже вовсе выйти из употребления. Вспомним хотя бы обозначение кладбища *хър(ы)т-нчр* «то, что под богом», где выписанное *t* такая редкость, что до недавнего времени ученые читали это сложное слово как *хър-нчр*. Первая часть здесь также прилагательное, производное от предлога, именно *хър* «под». Примером выпадения *t* в сложном слове, кончающемся на *джт*, может служить написание «сестра *джт*» в гробнице *Нчр-вср* (SM:XXIV=MAE:166). Оно находится в приписке к изображению супруги умершего, так что в женском роде обозначенной не может быть сомнения, тем не менее написано не *снт-джт*, как то требовалось бы для «сестры *джт*», а *сн-джт*, точно речь шла о «братье *джт*». Обозначение «сестра *джт*» в сохранном виде известно мне только в этой гробнице (оно имелось, наверно, еще в одном месте — DAeAe II:XXXI, но только в издании оно отсутствует), поэтому можно только догадываться, но не утверждать, что таково было обычное правописание для женской разновидности обозначения. Догадываться об этом можно по тому, что и в других сложных словах, где начертание не благоприятствовало выписыванию *t*, последнее после первого существительного охотно опускалось. Так, например, обстоит дело с распространнейшим обозначением жриц *хъмт-нчр* «служанка божья», которое обыкновенно пишется *хъм-нчр*, как если бы значило «слуга божий»; в наименовании заупокойных жриц *хъмт-к'* «служанка двойника», куда более редком, правда, чем «служанка божья», выписанное *t* мне вообще никогда не встречалось, так что, если бы не женский пол так обозначенных лиц, можно было бы читать «слуга двойника».

Возможно также, что частое опущение в письме женского окончания у начальных частей сложных слов отражало действительную пропажу его в произношении. В отношении *ний-джт* здесь можно было указать на позднейшее, частое в Новом царстве слово *нджт* «челядь — подчиненные — подданные», оторвать которое от нашего *джт* представляется невозможным и которое как собирательное обозначение могло бы восходить к женскому *ний-джт*. Возможно, однако, что *нджт* восходит к мужскому *ний-джт*, переставшему восприниматься как составное слово с мужскою первою частью и потому ставшему неизменным по роду обозначением не только единичных, но и собирательных представителей определенного рода людей. Впрочем, собирательное выражение *джт* или [н]*джт* существовало уже при первых представителях V царского дома (см. ЧСПЕСЦ: 72—75). Если *ний-джт* рано застыло в неизменное по родам *нджт*, оно могло одинаково прилагаться к мужчинам и женщинам, отдельным лицам и собирательным понятиям.

Итак, допустим, что наше *ний-джт* или *джт* так или иначе означает нечто вроде «собинный», «собственный». Принятие

или отвержение этого допущения зависит от того, как укладывается предполагаемое значение в переведенные выше титла. На первый взгляд может показаться, что «собственный (человек)» может еще подойти к подневольным людям, но никак не годится в обозначение для людей «свободных»; «собственными» могут быть мельничихи и пивоварки, столяры и плотники, но не люди чиновные и именитые, с каменными усыпальницами, барским обличьем и замашками. *Все зависит, однако, от того, какой смысл вкладывать в понятие «собственный».* И как ни странно, этот смысл мы можем получить не от подневольных носителей нашего обозначения, к которым «собственный», казалось бы, только и подходит, но от чиновных его носителей, совсем не похожих на чью-либо «собственность».

Отправною точкою для наших изысканий являются надписи из гробницы *Ир.н-р^с* (Г III:159, наш № 3). Они расположены непосредственно одна над другую, и от этого их словоупотребление становится еще примечательнее:

«*K'-н(й)-ний-свт — джт* его, распорядитель слуг двойника *Ир.н-р^с*».

«Кто при вещи царя *K'-н(й)-ний-свт — сын* его *Ир.н-р^с*, что в чести».

Конечно, сын царедворца, возможно, даже царского происхождения, *Ир.н-р^с* не был невольником своего родителя. Тем самым «собственный» в смысле вещного права исключено заранее. Но не подойдет и «собственный» в смысле «приближенный, свой человек», так как никакое *джт* даже отдаленно не могло равняться по степени предполагаемой им близости с «сыном»: для сына царедворца было бесмысленно подчеркивать свою близость к нему наименованием себя его *джт*, каковым мог быть всякий, вплоть до последней служанки. Однако каким же еще «собственным» может здесь быть *джт*? За ним стоит должностное звание *Ир.н-р^с*, и, может быть, это звание позволит понять смысл предшествующего обозначения? Издатель надписей совершенно основательно связал одно с другим, но, видя в *джт* заупокойное имя, сделал сына начальником над заупокойными жрецами выделенного на помин души имения. Выше было показано, что *джт* в разбираемых титлах никак не может означать заупокойное или какое иное владение. Но подобного значения вовсе и не нужно, чтобы словоупотребление гробницы представилось вполне осмысленным. В предшествующем уже неоднократно доводилось замечать, что определениям с *джт* в смысле «собственный» присущ бывал оттенок «личный, частный» в противоположность «царский, государственный». Включим такой оттенок и в перевод данного *джт* и поставим последнее в связь с последующим званием — получим вполне вразумительный смысл: «*K'-н(й)-ний-свт — собственный* (т. е. личный, частный, служащий) его, (именно) распорядитель рабов двойника *Ир.н-р^с*». Сын состоял начальником над личными заупокойными жрецами своего отца. Что надзор за заупокой-

ным жречеством почившего поручался иногда его сыновьям, хорошо известно из соответствующих завещаний.

Врученный нам *Ир.н-рс* ключик без всякого труда позволяет отомкнуть остальные титлы.

№ 1. Царица *Вджбтн* — «собственный (служащий) ее, (именно) наставник слуг божьих» и т. д. *Хъм-снх*. У особо влиятельных цариц заупокойную службу правили не «слуги двойника», а «слуги божьи», храмовые жрецы, в данном случае поминального храма царицы. *Хъм-снх*, проживавший подле этого храма, и был надзирателем над его жрецами — личными или частными жрецами царицы.

№ 2. Несомненно, истолковывался бы, сохранившись название должности, как предшествующий случай.

№ 4. Вельможа *Мхъй* — «собственный (служащий) его, жалуемый им, *Птхъ-нб-нфрт*». Какие должности занимал служащий на службе у вельможи, видно из второго титла: «Распорядитель дома, писец житницы, писец дома белого, писец череды, собственный (служащий) его *Птхъ-нб-нфрт*». Изображениями «распорядителей дома» как управляющих вельможеским имуществом полны гробницы. «Писцы житницы» неоднократно изображены в них же на службе у вельможи. «Писцы череды» — подразумевается: заупокойных жрецов — многократно представлены на гробничных стенах. Можно было бы усомниться относительно «писца дома белого» — не была ли то государственная должность, однако изредка в частных гробницах «писец дома белого» занимается учетом как будто личного имущества хозяина (G IV: между 36 и 37,ср. G V:49) и «белый дом» выступает как хранилище, куда стекаются производимые для хозяина блага (DAeAe II:ХCVI). Таким образом, *Птхъ-нб-нфрт* занимал ряд должностей по частному хозяйству своего высокопоставленного господина и был писцом подразделения, наверно, его заупокойных жрецов.

№ 5. Верховный сановник *Птхъ-хътп* — собственный (служащий) его, заупокойный жрец, должностное лицо при пирамиде царя *Джд-к'-рс* *Шпс-н-птхъ*. Как «старейшина чертога» царской пирамиды, *Шпс-н-птхъ* не мог состоять в личном, частноправовом отношении к верховному сановнику. Очевидно, «собственным» его служащим он был как его заупокойный жрец (никакой другой должности не названо). Обломок этой ложной двери был найден на том месте столичного кладбища, где был погребен верховный сановник; можно думать, что *Шпс-н-птхъ* был похоронен подле него.

№ 6. «Мать царева *Хътп-хър.с* — собственный (человек, именно) слуга двойника *Чнти* — дочь его, служанка двойника *Плп*». Так как по смыслу своему все это — титло завещательницы *Плп* (заупокойная жрица такая-то, дочь такого-то заупокойного жреца царской матери такой-то), можно усомниться, относится ли «собственный (человек)» к отцу, а не к дочери. Однако совсем неправдоподобно, чтобы отчество могло так

вклинился между званиями, и потому лучше в согласии с местоположением отнести «собственного (человека)» к отцу, что, конечно, не мешает считать таковым и его преемнику по заупокойному жречеству царицы. Чный был частным («собственным») заупокойным жрецом на службе у царевой матери.

№ 7. «Друг Рс-вр — собственный (человек), распорядитель отроков Местожительства, распорядитель имущества его всего, что от Местожительства и что снаружи, Mr-св-снх». Вопрос с этим титлом обстоит не так просто, как с предшествующими. Мне кажется немыслимым, чтобы звание «распорядитель отроков Местожительства» имело в виду не государственную службу — начальство над молодым (военным) ополчением столицы. Последнее тем невероятнее, что речь шла определенно о воинских силах, так как сам Mr-св-снх именует себя «юношею добрым». Более того, приложение «Местожительства» (*хънв*) к званию «распорядитель отроков» — ср. также в титле матери «распорядительница дома ткачих Местожительства» — прямо указывает, что дело касается государства, а не частного лица, потому что «Местожительство» как определение противополагается в обозначениях должностей «собственному» (*джт*) (об этом см. § 3). Возможно, Mr-св-снх потому так упорно и прилагает к своему званию, а заодно и к материнскому определение «Местожительства», что являлся одновременно служащим частного лица и было желательно четко разграничить в его титле оба рода службы. После обозначения *джт* это было особенно желательно, так как, следуя непосредственно за ним, оно в сочетании с ним могло быть понято как «собственный (т. е. частный) распорядитель отроков».

Званием, с которым *джт* стоит в прямой связи, в изучаемом нами титле Mr-св-снх является не стоящее непосредственно позади «распорядитель отроков Местожительства», а последующее — «распорядитель имущества его всего, что от Местожительства и что снаружи». Как управляющий личным имуществом вельможи, столичным и внестоличным, Mr-св-снх был, несомненно, «собственным», т. е. частным, его служащим. Надо думать, что таковым был Mr-св-снх и в качестве «наставника слуг двойника» (EG I:107=LXVIII). Так, правда, он величает себя не в том титле, где стоит *джт*, но естественно предположить, что доверенный управляющий своего господина состоял и по смерти его надзирателем заупокойных его жрецов. Что то были заупокойные жрецы какого-то постороннего лица, представить себе гораздо труднее.

№ 8. Вельможа Рс-вр — «собственный (человек, именно) слуга двойника, творец ногтей К'-хр-ний-свт». Умерший был, несомненно, собственным или личным заупокойным жрецом вельможи. Был ли он также его частным или личным ухаживателем за ногтями, или эту должность он занимал при дворе — решить несколько сложно. Однако упоминание спорной

должности после «собственный», и притом без какого-либо в данном случае прямо необходимого указания на двор как место службы (придворные обрабатывают ногтей часто величают себя «творцами ногтей дома большого»), предрасполагает в пользу первого решения. Еще более укрепляет в таком заключении то обстоятельство, что на изображениях в вельможных гробницах такие же рядовые «слуги двойника», как и *K'-хр-н(ы)-свт*, нередко оказываются, как и он, «творцами ногтей». Что все это были придворные чины — а царские «творцы ногтей» бывали очень важными сановниками,— представляется совершенно неправдоподобным.

№ 9. Вельможа *Ир.н-вр* — «собственный (человек, именно) слуга двойника *K'-м-къд*». Тут все просто. *K'-м-къд* был собственным или личным заупокойным жрецом вельможи.

№ 10, 11, 12. Вельможа *Ир.н-вр* — «собственный (человек) имярек». Никакого звания перед именами трех работниц — *Bхъм-нфрт*, *Итй* и *Иш^{ст}* — не указано. Судя по занятиям, за которыми они изображены, первая работала в пивоварне, две другие — мельничихами в пекарне, самостоятельной или обслуживающей то же пивоварение потребным для него ячменным хлебом. Если бы написанное дополнялось изображенным, то смысл надписей был бы, по существу, таким: вельможа *Ир.н-вр* — «собственный (человек, данная пивоварка) *Bхъм-нфрт*», вельможа *Ир.н-вр* — «собственный (человек, данная мельничиха) *Итй* (или: *Иш^{ст}*)». Если бы изображенные занятия были случайными работами трех служанок, смысл надписей был бы более общим: вельможа *Ир.н-вр* — «собственный (человек, работница) имярек». Но как бы то ни было, три женщины были собственными работницами вельможи.

№ 13. «Собственный (человек — подразумевается: погребенного по соседству вельможи, — именно) распорядитель полотна, слуга двойника *Pс-вр*». Знакомые уже по целому ряду случаев с «собственными» людьми на положении простых и начальственных заупокойных жрецов, мы без колебания определим и данного *Pс-вр* как собственного слугу двойника одноименного вельможи. Но мы можем спокойно распространить «собственный» и на непосредственно следующего за ним «распорядителя полотна». Написанными изображениями «распорядителей полотна», заведующих господским бельем, полны гробницы вельмож. Нередко, совсем как наш *Pс-вр*, эти «распорядители полотна» являются одновременно «слугами двойника». Что *Pс-вр* никак не был придворным «распорядителем полотна», видно особенно наглядно по следующему. *Pс-вр* неоднократно именует себя в своей гробнице «распорядителем полотна», но ни разу ни после *джт*, ни без него не добавляет определения, которое бы указывало на двор как место службы. Стоило, однако, хозяину гробницы единий раз назвать себя «учителем певцов», как он уже не преминул добавить определение «царя»: «учитель певцов царя *Pс-вр*». Здесь речь шла о придворной, госу-

дарственной службе, и человек, бывший одновременно на частной службе, должен был обязательно указать, что как учитель пения он был служащим царя, а не вельможи, так как у последнего могли быть собственные певцы (ср. «певец, что от дома собственного» в гробнице Чий, GT:LX=LIX). Это противоположение царя и джст, государственного и частного очень показательно. С подобным противопоставлением службы по царскому «местожительству» службе частной мы только что имели дело у *Мр-св-снх* (№ 7). С явлениями этого рода нам доводилось встречаться и раньше (см. § 3).

№ 14. «Собственный (человек хозяина гробницы, именно) топорщик [имярек]». «Собственный столяр такой-то» такого-то вельможи не вызывает никаких вопросов. Но можно спросить, почему только один из трех изображенных на обломке столяров удостоился обозначения «собственный»? У двух других надписано только производственное звание и имя: «топорщик *H(и)-к(').в-рс*», «топорщик *Ибб*». Можно было бы предположить, что последние были государственными ремесленниками, работавшими почему-то на вельможу (примеры этого см. в § 27), а тот столяр был его собственным работником. Но тогда мы ожидали бы, как то действительно и оказывается в соответствующих случаях, какого-нибудь указания на то, что двое были государственными работниками, раз третьего сочли нужным выделить как «собственного». Также и то, что у «несобственных» ремесленников указаны их имена, говорит скорее, что оба они тоже были своими, а не посторонними людьми. Видеть в джст перед званием и именем столяра знак какого-то особого его отношения к вельможному хозяину было бы просто странно, поскольку джст именовались даже служанки, занятые самой тяжелой, самой грубой работой с зернотерками (№ 11, 12). Поэтому вероятнее всего, что различие в обозначении столяров — простая случайность, и допытываться о причинах ее так же мало полезно, как гадать о том, почему одни изображения работников в гробнице подписаны производственным званием и именем, другие — одним именем, а подавляющее большинство — ни тем, ни другим. В разных случаях тому были разные причины, чаще всего, надо думать, чисто внешнего порядка. Сохранись полностью изображение и надписание нашего «собственного» столяра, наименование его одного «собственным» объяснялось бы, наверно, самым непоучительным образом. Мне даже кажется, что при нынешнем состоянии изображения можно уловить, в чем дело. У второго и третьего столяра спереди было достаточно места, чтобы написать в один столбик звание и имя. У «собственного» же столяра сделать это за недостатком места в высоту было нельзя; потому звание и имя пришлось написать не одно над другим, а рядом. Мы не знаем, сколько знаков было в имени, так как оно отбито, но только, наверно, больше, чем в звании, которое писалось всего одним знаком топора, и то не «стоячим», а «лежачим». Стол-

бик с именем такой плоский знак уравновесить никак не мог; перенести знак-другой из имени к «топорщику» и тем самым уравновесить их мастер не мог или не хотел. Тогда он взял и написал над топориком *джет* и получил два столбика: один — со званиями, другой — с именем. Сделать это он мог совершенно спокойно, так как *джет* можно было надписать над любым работником вельможи. Все они были его собственными, в том числе, думается мне, и оба наших «несобственных» столяра.

№ 15. «Собственный (человек хозяина гробницы) *Нфр-хър(ы)*». Если все в порядке в старинном издании, то мы имеем здесь случай, сходный с обозначениями пивоварки (№ 10) и мельничих (№ 11, 12), с тою только разницею, что там хозяин был назван спереди, а здесь подразумевался. «Собственным» человеком вельможи мужчина, ведший скотину, мог быть, конечно, так же хорошо, как и те работницы.

№ 16. Вельможа *Снджм-йб* — «собственный (служащий) [его], (именно) писец череды *Птхъ-м-* — — —». Умерший был писцом череды, наверно, заупокойных жрецов хозяина, как и один из предшествующих *джет* (№ 4). Повторное упоминание этой должности подкрепляет догадку, что в обоих случаях речь идет о писце подразделения заупокойных жрецов. Далее, у *Птхъ-м-* — — — только и есть что это звание после *ндрж[т]*; поэтому частным и личным («собственным») служащим вельможи он был именно как писец череды, а это подтверждает правильность вывода, что *Птхъ-нбр-нфрт* (№ 4) был частным писцом череды у своего господина.

№ 17. Царь *Внис* — «собственный (служащий) его» — лицо, связанное с его пирамидой, заупокойный жрец, важный придворный, ученый заклинатель *Хнв*. Поскольку в обеих надписях должность заупокойного жреца названа за званием *хнти-иши*, связанным в данном случае, наверное, с пирамидой, *Хнв*, должно быть, и нес службу заупокойного жреца при ней. Заупокойный жрец, как мы уже не раз видели, мог принадлежать к *джет*. Но тут заупокойно-жреческое звание совсем неожиданное: в поминальных храмах царям служили не «слуги двойника», а «слуги божьи». Редкостному обозначению царского человека наподобие частного служащего («что от плоти его») отвечало бы редкостное для царской поминальной службы обозначение ее отправителя наподобие частного заупокойного жреца («слуга двойника»)! Тот же пример сановника *Хнв* со всею наглядностью показывает, что звание «кто от плоти» такого-то само по себе не означало подневольного положения его носителя: *Хнв* был важным придворным — «другом единственным» царя.

№ 18. «Собственный (служащий) его, писец *Вхъ'й*», «собственный (служащий) его, наставник слуг двойника — — — *ний*», «собственный (служащий) его, распорядитель слуг двойника *Хъб-сни*», «собственный (человек) его *Хъ'й*» несут при-

ношения покойным сановникам вместе с людьми, которых явно связывают с почившими узы родства или поминальной службы. У *Ппй* — это двое его сыновей и брат, у *Бйв* — трое его заупокойных жрецов («слуг двойника, что от плоти его»), из которых один вдобавок его домашний служащий — «руководитель шатра (т. е. столовой)». Не приходится сомневаться, что *Хѣб-снй* и — — — *нй* состояли первым главным, второй подчиненным начальниками над заупокойными жрецами *Бйв*, и можно думать, что и *Вхѣй* был писцом не кого иного, как *Ппй*. Нахождение на службе у частных лиц вполне оправдывало бы наименование всех четырех *н(и)-джт.ф*, т. е. «собинными», личными служащими сановников.

На этом кончается обзор известных мне случаев обозначения людей в их титлах как *джт* или *нджт*.

Думаю, что показано убедительно, что ни то, ни другое — не рабские звания.